

Николай Андреевский. «Валерий Марциал» Харьков, 1880 * PDF-файл 30июня 2010 * Весь текст диссертации + биография

ВАЛЕРИЙ МАРЦИАЛ.

Культурно-биографический очерк
ИЗ ЭПОХИ ДОМИЦИАНА.

Исследование
приват-доцента
Императорского Харьковского университета

Николая Андреевскаго.

ХАРЬКОВ

В Университетской Типографии.

1880.

Дозволено Цензурою. Москва. 14 Декабря 1880 года.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.	<i>Стр.</i> 1.
Глава первая. Родина и год рождения Марциала. Воспитание. Родители. Переезд в Рим. Ограниченность средств к жизни. Почётные титулы. Женитьба. Возвращение на родину. Смерть Марциала.	9.
Глава вторая. Отношения Марциала к Домициану. Заслужи- вает ли безусловного осуждения его лесь? Во- прос о циническом элементе в эпиграммах Марциала. Низар и Лессинг усердные защитни- ки Марциала. Разбор их аргументов.	43.
Глава третья. Отношения Марциала к литературным знаме- нитостям его эпохи. Марциал и Стаций – по- эты-соперники. Причина из враждебных отно- шений. Отношения Марциала к Плинию Млад- шему, Ювеналу и Силию Италику.	62.

Глава четвёртая.	
Отношения Марциала к писателям малоизвестным. Эпиграммы Марциала как материал для истории римской литературы во 2-й половине I века по Р.Х.	82.
Глава пятая.	
Эпиграммы Марциала со стороны содержания. Приёмы Марциала как литератора. Характеристика главных типов, встречающихся в эпиграммах Марциала. Сравнение Марциала с Ювеналом.	95.
Глава шестая.	
Выводы из всего вышесказанного о личности Марциала. Его недостатки и хорошие качества	112.
Глава седьмая.	
Юношеские опыты Марциала. Книгопродавцы, распространявшие его эпиграммы.	116.
Прибавления:	
I. Хронологический порядок издания эпиграмм.	123.
II. Опыты толкования некоторых эпиграмм	125.
III. мнение французского критика Ла-Гарпа о Марциале.	131.
IV. Отношения Марциала к светилам риторики.	133.

Введение.

Предметом нашего исследования мы избрали одного из самых крупных литературных деятелей эпохи Домициана – Валерия Марциала. Писатель этот, не в пример прочим, оставлен без внимания новейшими немецкими филологами, которые, вероятно, придают ему или сравнительно мало-важное значение, или же смотрят свысока на такой род литературных произведений. Одна из причин невнимания ученых к Марциалу заключается также в циническом характере весьма многих из его эпиграмм. Между тем эпиграммы Марциала служат необходимым дополнением к сатирам Ювенала для характеристики деморализованного Рима первого века по Р.Х.; они представляют самый обильный материал для всестороннего знакомства с эпохой Домициана: нравы, времяпрепровождение, литературные партии и кружки, публичные чтения, порочные забавы, кутежи, одним словом – вся кипучая жизнь семихолмного Рима второй половины первого века нашей эры всецело отразилась в сборнике эпиграмм Марциала.

Содержание этих эпиграмм разнообразно до бесконечности; они представляли для поэта

[с.2] удобную форму, в которой он мог включить и пикантный анекдот и остроумную сентенцию, портрет, характеристику, дружеское послание, обличение и проч. Принимая во внимание необыкновенную жизненность содержания и интерес его эпиграмм, невольно задаешься вопросом, почему этот писатель так заброшен новейшими учёными? Ещё *Лессинг* в прошлом столетии жаловался на трудности, встречающиеся при чтении Марциала, вследствие отсутствия порядочного комментария на его эпиграммы; но прошло более ста лет с тех пор и наука в этом отношении почти что ничего не сделала, так что мы вправе повторить жалобу Лессинга. Как мы увидим ниже, Марциалу несколько более посчастливилось у французов, чем у немцев, и их учёная литература насчитывает несколько исследований, посвящённых эпиграмматисту эпохи Домициана, которые, впрочем, не имеют строго научного характера. Несравненно большим вниманием, чем теперь, пользовался Марциал в средние века и в начале новой истории. В XVI и XVII ст. неутомимые иезуиты много потрудились над объяснением эпиграмм Марциала, и их трудами, между прочим, пользовался Лессинг в своём исследовании, посвящённом эпиграммам Марциала.

Вследствие полного отсутствия серьёзных исследований о Марциале установилось ходячее мнение о пустоте, ничтожестве и безвкусном цинизме римского эпиграмматиста. Распространению подобного мнения главным образом способствовали составители

[с.3] общих курсов по истории римской литературы, придерживающиеся рутинного мнения о Марциале, пущенного в ход поверхностными дилетантами вроде Лагарпа¹, которым если верить, то Марциал не более, ни менее как безнравственный льстец, рабски пресмыкавшийся перед Домицианом, и человек, погрязший в чувственных удовольствиях². Совсем иное впечатление производит на нас Марциал при внимательном чтении его эпиграмм. Оставляя при нем некоторые действительные недостатки, мы усматриваем и капитальные достоинства, дающие ему право на почётное место в истории римской литературы. К такому убеждению пришли Лессинг и Низар – единственные, написавшие довольно обстоятельные исследования об эпиграмматисте времен Домициана. Правда, и тот и другой прибегали иногда к натяжкам, чтобы оправдать Марциала даже и в тех пороках, которых, на самом деле, он не был чужд.

В нашем исследовании мы извлекали данные о Марциале, главным образом, из непосредственного и прямого источника –

¹ См. прибавление III

² Отчасти этого мнения держится даже такой основательный и солидный составитель курса истории римской литературы, как В. С. Тейфель. Делая общий обзор состояния римской литературы при Домициане (р.691), он между прочим говорит следующее: «Не подвергая опасности жизнь или честь, при Домициане возможно лишь было делать одно – молчать, как и поступали в течении всего его царствования Ювенал, Тацит и Плиний. Писавшие же в его время льстили коронованному чудовищу – одни из сознания бессилия, другие из эгоизма: от сознания бессилия Италик (Силий), Стаций и Квинтилиан, из рассчитанного же раболепства – *Марциал* и Иосиф».

[с.4] его эпиграмм, отрешившись от того предубеждения, которое имеют к нему немецкие филологи. Семейные дела, материальное положение, характер, житейские невзгоды, отношения к Домициану и современникам, затем отношения к литературным светилам того времени, наконец содержание эпиграмм и их значение для истории культуры – вот те вопросы, которые мы старались разработать в нашем труде; нас более всего занимает Марциал, как человек со всеми его хорошими и дурными свойствами, и при этой оценке мы старались быть возможно более объективными. Изучать Марциала со стороны чисто филологической не входило в нашу задачу, разумея здесь язык его эпиграмм, разнообразие чтений и толкование тёмных мест. Тем не менее однако мы позволяем себе надеяться, что наш труд внесёт что-нибудь в историю римской литературы, как опыт представить в настоящем свете личность столь капитального литературного деятеля, на которого до сих пор не было обращено должного внимания.

Знакомясь с Марциалом непосредственно на основании его произведений, мы принуждены будем очень часто давать русский перифраз его эпиграмм, не считая себя вправе назвать это переводом, который представляет непреодолимые трудности; таким образом мы, повторяем, ограничимся точною передачей содержания приводимых эпиграмм.

[с.5]

Из всего того, что было написано о Марциале в XVIII и XIX ст., наиболеею обстоятельностью и полнотой бесспорно отличаются исследования Лессинга и Низара:

“Lessing’s ausgewählte Werke, Band 9, Zerstreute Anmerkungen über das Epigramm und einige der vornehmsten Epigrammatisten” (1771), 47-87 p.,

“Etudes de moeurs et de critique sur les poetes latins de la decadence, par M. D. Nisard, volume 2, Martial ou la vie du poete” (p.1- 97).

Оба эти исследования, правда, не отличаются строго научным характером, но, во всяком случае, представляют обильный материал для изучающего. Лессинг в своём исследовании старался оправдать Марциала от тех нареканий, которым он подвергался и подвергается теперь; касается также вопроса о цинизме его эпиграмм, делает некоторые изыскания, касающиеся биографии поэта, его юношеских стихотворений и предлагает толкование нескольких тёмных эпиграмм Марциала. Низар же набросал легкий, изящный очерк жизни Марциала, его отношений к Домициану и характеристику главных типов, выводимых в эпиграммах. Как Низар, так и Лессинг под влиянием внимательного чтения Марциала, относятся к нему очень сочувственно, так что главная задача их исследований сводится к тому, чтобы по возможности облагородить и представить в наилучшем свете личность поэта, – задача, при которой, невольно, им приходилось делать иногда натяжки.

[с.6]

Вопросы, касающиеся исключительно биографии поэта, как например, о годе рождения, о семейном положении и материальной обстановке, отчасти разработаны в небольшой диссертации *Брандта* (1853): «De Martialis poetae vita et scriptis ad annorum computationem dispositis. Auctor Adolphus Brandt».

Затем ещё следует упомянуть о статье Тейфеля, помещённой в энциклопедии классической древности Паули (Pauly) (ч. IV от стр. 1600-1605), в которой он делает много ссылок на различные эпиграммы Марциала, относящиеся к его характеристике как человека и поэта. Если ещё не считать поверхностного исследования Фридендера, то вот почти всё, что с половины прошлого столетия было написано о Марциале, – небрежность, бросающаяся в глаза, если принять во внимание беспредельное трудолюбие немецких филологов в исследовании древних авторов вообще. При такой-то бедности исследований невольно приходится для уяснения личности поэта обращаться к непосредственному источнику – его эпиграммам, которые лучше всего оттеняют привлекательный образ эпиграмматиста.

Относительно изданий эпиграмм Марциала замечается то же самое явление: до XVIII ст. изданий появлялось сравнительно много, а в XVIII и XIX – очень мало, да те крайне неудовлетворительные. На отсутствие хороших издание ещё жаловался Лессинг: «Главная беда, говорит он, что мы не имеем хорошего издания Марциала». По его мнению, издание

[с.7] Фарнабиуса (*Farnabius*¹), и притом в том виде, в каком его обогатил *Шревель* (Schrevelius), всё-таки лучшее издание и далеко выше того, которое Винcentиус Колессо (*Vincentius Colesso*)² обработал для руководства Дофину (ad usum Delphini). Если бы собрать все издания Марциала, вышедшие в промежуток времени от XV до XVIII ст., то особенного внимания из всех этих многочисленных изданий только и заслуживают – издание Радера³ (Raderus), затем парижское издание *Сонниуса*, in folio, от 1617, и Скриверо-во издание, in-12°, 1619 года, причём в последних помещены толкования более двадцати различных учёных. Лессинг сетует, что все эти толкования не собраны в одном издании и что не нашёлся другой Бурман или Корте, который бы сличил весь текст писателя с хорошими манускриптами. Для предприятия хорошего издания тот же Лессинг указывает на четыре списка эпиграмм Марциала, хранящиеся в княжеской библиотеке в Вольфенбюттеле, из которых три на пергаменте, а один, который во многих местах истёрт, принадлежит глубокой древности, потому что остальные два – из первой половины XV ст.

¹ 1661. M. Val. Martialis epigrammata cum notis Tho.Farnabii, et variorum genuinoque indice tum rerum tum auctorum. Accurante Com. Schreverio.

² Val. Martialis epigrammatum libros XV, interpretatione et notis illustravit Vincentius Colesso jussu christianissimi Regis ad usum serenissimi Delphini. Paris 1680.

³ Matthaei Raderi de societate Jesu, ad M. Val. Martialis epigrammatum libros omnes, plenis commentariis novo studio confectis, explicatos, emendatos, illustratos, rerum et verborum lemmatum idem, et omnium locorum variis et copiosis indicibus auctus, curae tertiae, plurimis locis meliores. Moguntiae. An. 1627.

[с.8]

В 1784 вышло бипонтинское издание эпиграмм Марциала¹, в котором тексту предпослано краткое жизнеописание Марциала, составленное Радером, и хронологический указатель старинных изданий². В XIX ст. вышло парижское издание *Лемера* (Lemaire), в трёх частях, в 1825, и наконец издание *Шнейдевина*, вышедшее в Гримме, в 1843 г., и потом пересмотренное и изданное Тейбнером в Лейпциге, 1853, где текст является наиболее очищенным и исправленным, так что мы в своих цитатах придерживались этого последнего издания, иногда только обращаясь к другим вышеупомянутым.

¹ M. Valerii Martialis epigrammata ad optimas editiones collata studiis societatis Bipontinae. 1784.

² Все издания разделены на пять периодов:
aetas autographiana 1470-1501;
aetas II, 1501-66;
aetas II, Junio-Gruteriana 1566-1618;
aetas IV, Radero-Scriveriana 1619-1713;
aetas V, 1713-1782.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Родина и год рождения Марциала. Воспитание. Родители. Переезд в Рим. Ограниченность средств к жизни. Почётные титулы. Женитьба. Возвращение на родину. Смерть Марциала.

Биографические данные о Марциале мы находим в достаточном количестве в его эпиграммах; данные эти разбросаны в разных книгах и ещё не приведены в систему. Эпиграммы Марциала – самое верное отражение личности поэта: в них он высказался весь с своими достоинствами и недостатками. Проследить по его эпиграммам всю его жизнь, столь богатую приключениями, было бы очень трудно, и мы в этом случае ограничимся более крупными фактами из его жизни, как-то – первыми годами детства, воспитанием, женитьбой, общественным и материальным положением, карьерой и др., на-сколько все эти факты выясняются из его эпиграмм.

Марк Валерий Марциал (таково его полное имя) родился, как полагают, в первый год царствования Клавдия (в 41 г.) в городе Бильбилисе (как он сам говорит), в Испании тарраконской. Праепонем поэта было *Marcus*, имя рода

[с.10] (nomen gentile) *Valerius*, cognomen – *Martialis*; эти три имени он придаёт сам себе во многих местах¹. Что касается до «cognomen», то хотя между учёными нет разногласия и никто не нашёлся, кто подверг бы его сомнению, так как оно подтверждается авторитетом кодексов, однако недостаточно ясно – каким образом принял его поэт. Оставляя без внимания соображения, высказанные по этому поводу Радером (в его *Prolegomena ad edit. Mart. car. I*), мы можем опереться на свидетельстве Плиния Старшего², по которому император Веспасиан предоставил всем испанцам “*jus Latii*”, что даёт нам право заключать, что Марциал по собственному произволу принял означенные три имени согласно римскому обычаю, при этом *Marcus* и *Martialis* приняты им, вероятно, от имени месяца, в котором он родился³, имя же Валерия – от некоего Валерия Мецената или Валерия Флакка, поэта, находившегося с ним в приятельских отношениях, или же, наконец, в память поэта Валерия Катулла, которому он подражал.

Вопрос о годе рождения поэта принадлежит к самым тёмным и трудным, так как эпитаграммы Марциала не дают никаких определённых указаний по этому вопросу. Все данные о годе рождения опираются на определении года, в котором поэт возвратился из Рима на родину, и поэтому следует обратиться к X, XI, XII книгам его эпитаграмм, которые заключают в себе факты, касающиеся его возвращения. Прежде всего обращаем внимание на 31 эпитаграмму XII книги,

¹ *Valerius Martialis* VI, 82, 4; VII, 62, 16; X, 93. *Val. Mart.* в заголовке введения к VII книге эпитаграмм, и все три имени *M. Valerius Martialis* в введении к XII книге.

² *Historia naturalis* III, 3.

³ Что родился в марте, об этом ещё говорит IX, 53, 3; X, 24, 1. *Ср.* 29, 3, 92 10; XII, 60

[с.11] где поэт говорит о садах, подаренных ему Марцеллой⁴. “*Hos nemus, hi fontes..... nemus sunt dominae: post septima lustra reverso hos Marcella lares parvaque regna dedit*”. Отсюда мы уже имеем факт, что он прожил в Риме 35 лет. Затем в первой эпитаграмме XI книги поэт обращается к собственной книжке, чтобы она не дошла до Парфения, читающего одни книжонки, а не книги (*libellos, non libros*). А так как из исследования Массона⁵ явствует, что этот самый Парфений до усыновления Траяна ещё в 97 году был убит, то из этого вытекает, что эту эпитаграмму Марциал не мог написать после этого года, так как говорит о Парфении, как о живом человеке. А что издание XI книги эпитаграмм именно следует относить к 97 году, это подтверждается четвертою эпитаграммою той же книги, в которой поэт обращается с мольбой к богам, чтобы они сохранили невредимым императора Нерву, избранного в третий раз консулом. Третье же консульство Нервы, по свидетельству историков, падает на 97 год, когда ещё Марциал не выезжал из Рима. Кроме того, так как Марциал в двух эпитаграммах десятой книги говорит, что он пробыл в Риме уже 34 года, а эта X книга несомненно издана ранее XI, то эти данные дают право заключить, что год возвращения поэта на родину был или 97 или 98 после Р. Х. – Теперь возвращаемся к определению года рождения Марциала. В 24 эпитаграмме X книги он говорит следующее: «мартовские календы день моего рождения, день краше всех (других) календ, в который мне присылают дар и девицы, пятидесятый пирог

⁴ Мы ещё будем иметь случай обратиться к этой эпитаграмме.

⁵ *Masson in vit. Plin. Min. car. XII.*

[с.12] и эту седьмую курильницу присоединяем к нашим очагам»¹. Отсюда с некоторою достоверностью можно установить, что он родился в 39 или 40 году после Р. Х., если он покинул Рим пятидесяти-семилетний, в 97 году².

Родиной Марциала, как мы выше сказали, был город *Бильбилис*. Что это за Бильбилис и что случилось с ним? Комментаторы Марциала усердно разыскивали его и решили, что нашли его следы в одной деревне в Каталонии, именуемой *Бамбола*, на что один испанец возразил, что Каталония – страна низменная, а Бильбилис, судя по описанию Марциала (см. ниже), находился в гористой местности. Во всяком случае можно с достоверностью предположить, что Бильбилис был не ничтожный город: там приготавливали отличное оружие ценного закала, железо очищалось в водах реки Салона, протекавшей у стен города. Марциал в эпиграммах часто превозносит Бильбилис, называет его то знаменитым городом, то городом известным своими водами и оружием и с гордостью величает его: «мой Бильбилис»³. В Риме он скучает за Бильбилисом, в Бильбилисе за Римом – непоследовательность очень обыкновенная у поэтов.

[*прим. к изд. 2010 года. Исследованиями испанских историков в 1930 – 1990 г. установлено, что Бильбилис – Municipium Augusta Bilbilis – был расположен на возвышении 41° 22' 50.31" N 1° 36' 17.81" W – в наши дни это холм Бамбола на левом берегу р.Халон, примерно 5 км на С-В от г.Калатаюд в Арагоне, Испания]

¹ Natales mihi Martiae Calendae,
Lux formosior omnibus Calendis,
Qua mettunt mihi munus et puellae...

² Наружность свою Марциал описывает в 65 эп. X книги следующим образом: «Hispanis ego contumax capillis
Hirsutis ego cruribus genisque
Os blaesum tibi debilisque lingua est.
Nobis filia fortius loquetur».

³ 18-я эпигр. XII книги.

***** Проект «За Марциалом без билета»

[с.13]

Вопрос о родителях Марциала, несмотря на указания, находящиеся в трёх эпиграммах⁴, представляется также довольно тёмным и не вполне решён. В указанных эпиграммах поэт рассказывает о смерти нежно любимой им девочки Эротиион, которая умерла, не достигши шестилетнего возраста, и была погребена в участке, принадлежавшем Марциалу. Поэт, сильно опечаленный смертью любимой девочки, выражает своё горе по этому поводу и обращается к Фронтому, называя его “pater”, и к Флакцилле, именуя её “genetrix”.

«Отец Фронтон и мать Флакцилла⁵, говорит он, поручаю вам эту девочку, утеху моей жизни, чтобы она, крошка Эротиион, не страшилась чёрных теней и чудовищной пасти Цербера. Ей бы исполнилось шесть лет (дожила бы до шестой зимы), если бы смерть не прервала её дней. Пусть она весёлая играет среди столь почтенных патронов и произносит моё имя своим шепелявым ротиком. Пусть не колючий дёрн покрывает её нежные косточки и да будет ей земля легка, тебе она не была такой».

Сомнение относительно того, говорит ли он в приведенной эпиграмме о своих собственных родителях или о родителях Эротиион, уничтожается тем, что Марциал Фронтона и Флакциллу в седьмом стихе называет “veteres patronos”,

⁴ 34 эп. V книги, 37 эп. V книги, 61 эп. X книги. Низар, вскользь упоминая о родителях Марциала, не прав, утверждая, что будто поэт ничего не говорит о своих родителях кроме того только, что называет их глупыми за то, что они научили его грамоте: «At me litterulas stulti docuere parentes».

⁵ 34 эп. V книги: Hanc tibi Fronto pater, genetrix Flaccilla, puellam
Oscula commendo deliciasque meas,
Parvula ne nigras horrescat Erotion umbras.
Oraque Tartarei prodigiosa canis.
.....

[с.14] что скорее применимо к родителям Марциала, уже давно умершим; назвать так родителей умершей Эротии он никак не мог, так как в случае они действительно умерли, не могли пробыть столь продолжительный промежуток времени в преисподней, чтобы заслужить эпитет “veterum patronorum”, который вполне применим к давно умершим родителям Марциала.

Немного сообщает Марциал об остальных своих родственниках, упоминая только единственного брата Торана, которого имя сохранилось в двух эпиграммах. В одном месте¹, приглашая его на обед скудный, но приправленный дружбой и любовью; в другом обещает ему проведать его, что даёт нам право заключить, что братья были соединены узами тесной дружбы. Впрочем несомненно, что и 44-я эпиграмма XII книги относится к тому же Торану, заглавие которой “ad Marcum Unicum” Шнейдевин вполне основательно признал ложным. В этой эпиграмме² поэт даёт знать, что Торан был его *единственный* брат и занимался подобно ему писанием стихотворений.

Период детства поэта представляется нам туманным, так как он не даёт указаний на это ни в одной эпиграмме. Тем не менее однако мы с достоверностью можем предположить, что он, по римскому обычаю, сперва воспитывался под руководством матери, а с течением времени его воспитание было поручено педагогу. Поручать мальчиков гувернерам вошло

¹ 78 эп. V книги.

² Unice, cognato junctum mihi sanguine nomen,
Quique geris studiis corda propinqua meis:
Carmina quum facias soli cedentia fratri,
Pectore non minor es, sed pietate prior.

ДЕФЕКТ НУМЕРАЦИИ В ОРИГИНАЛЕ

ТЕКСТ НЕ ПРЕРЫВАЯСЬ, ПЕРЕХОДИТ СО СТРАНИЦЫ ЧЕТЫРНАДЦАТОЙ НА СТРАНИЦУ СЕМНАДЦАТУЮ, КАК ЛЕГКО УБЕДИТЬСЯ

ДЕФЕКТ НУМЕРАЦИИ В ОРИГИНАЛЕ

ТЕКСТ НЕ ПРЕРЫВАЯСЬ, ПЕРЕХОДИТ СО СТРАНИЦЫ ЧЕТЫРНАДЦАТОЙ НА СТРАНИЦУ СЕМНАДЦАТУЮ, КАК ЛЕГКО УБЕДИТЬСЯ

[с.17] в обыкновение у зажиточных римлян со времени влияния греческой культуры. Педагоги эти получали над детьми полную власть, находясь при них в качестве постоянных спутников, наставников и руководителей; они были, большею частью, из рабов или вольноотпущенников и требовали от своих питомцев безусловного повиновения, причём, в случае упрямства и непослушания, прибегали к розгам и побоям. Марциал попал под ферулу подобного педагога, некоего *Харидема*. По словам поэта, он был вольноотпущенник¹, отличавшийся суровым нравом и который, как “alter Sato”, старался привить Марциалу неприхотливые нравы старины и напоминал ему примеры предков, когда он обнаруживал наклонности к кутежу и забавам. Подобные черты в педагоге заслуживали бы полного одобрения, но мы должны сделать совсем иное заключение о личности самого Харидема, прочтя 39 эпиграмму XI книги². В ней поэт упрекает его, что, нападая на него и придираясь к нему за простительные слабости, сам он не воздерживается от пороков самых предосудительных.

Какие школы посещал наш эпиграмматист в молодости, остаётся покрытым мраком неизвестности; неизвестно также, под чьим руководством он занимался риторикой. Образование, вынесенное им из школы, по всему вероятно, было не ниже того, какое получили Ювенал, Тацит, Плиний и все прочие литературные светила той эпохи.

¹ 39 эп. 15 эп. XI книги.

² Nil mihi vis et vis cuncta licere tibi.
Corripis, observas, quereris, suspiria ducis,
Et vix a ferulis temperat ira tua.
Si Tyrios sumpsi cultus unxive capillos,
Exclamas «Nunquam fecerat iste pater».

[с.18]

В Рим прибыл наш поэт 21 года¹, в царствование Нерона и, проживши там 35 лет, на 57 году жизни предпринял обратное путешествие на родину. Об этом он сам говорит следующим образом²: «Земляки мои, которых производит Бильбилис, расположенный на крутой горе, омываемый стремительным Салоном, радуется ли нас хоть сколько-нибудь слава вашего поэта соотечественника? Ибо мы составляем ваше имя, славу и гордость, так что даже Верона не более обязана своему щедедушному Катутллу и не прочь была бы меня назвать своим (не менее чем его). Тридцать жатв да ещё четыре лета прошли с тех пор, как вы без меня печёте пирожки Церере, и пока мы живём в великолепных стенах владетельного Рима, Италия успела изменить цвет моих волос. Мы направляемся к вам, если окажете радушный приём возвратившемуся; если же будете коситься, то тогда лучше вернуться» (в Рим).

Никаких определённых данных о жизни Марциала до вступления на престол Домициана мы не извлекаем из его эпиграмм. Лучшие годы молодости его падают на время правления Нерона, и мы решительно ничего не знаем об этом периоде жизни поэта. В огромном множестве его эпиграмм находим два-три намёка на жестокости этого императора. «Ты меня спрашиваешь, говорит он к некоему Северу, как это может быть, что Харин, худший из людей, совершил один

¹ X кн. эп. 103: «Municipes, Augusta mihi quos Bilbilis acri
Monte erat, rapidis quem Salo cingit aquis,
Ecquid laeta juvat vestri vos gloria vatis?
Nam decus et nomen famaue vestra sumus,
.....
Aspera si corda geritis, redire licet.»

² X, 24, 4. Сравн. с 103 эп. X кн. 104

***** Проект «За Марциалом без билета»

[с.19] хороший поступок, отвечу я на это так быстро: что хуже Нерона, что лучше терм Нерона»³. В другой эпиграмме он ставит в укор Нерону смерть поэта Лукана; но упрёк так короток, так холоден и выражен в столь мягкой форме, что в сущности это вовсе не упрёк. Нас, разумеется, должно удивлять, что поэт, современник Нерона, говорит об этом так хладнокровно. Низар в этом случае оправдывает Марциала неблагоприятными политическими условиями того времени. И действительно, в период умственной зрелости нашего поэта вопросы политики были волей-неволей отодвинуты на второй план. Военный деспотизм оказался худшею из тираний в том отношении, что парализовал, убил политические партии, составлявшие жизнь римского общества: он имел тот конечный результат, что во времена Домициана выражать негодование против Нерона сочли бы за явление ненормальное, так как все свыклись с установившимися порядками, и порицать или изобличать их значило идти на верную смерть.

Чем занимается и как проводит жизнь Марциал при преемниках Нерона – Гальбе, Оттоне, Вителлии, Веспасиане, мы также ровно ничего не знаем. При Домициане Марциал выступает как официальный придворный поэт и удерживает эту роль в течении всего его царствования. Но несмотря на наружный блеск, поэт должен был вести упорную борьбу с нуждой. Будучи уже на вершине славы, он беспрестанно жалуется

³ VII, 34. Quo posit fieri modo, Severe,
Ut vir pessimus omnium Charinus
Unam rem bene fecerit, requires?
Dicam, sed cito. Quid Nerone pejus?
Quid thermis melius Neronianis?

[с.20] на то, какое плохое обеспечение может доставить поэзия своему служителю¹: «Секст, какое дело или какая уверенность влекут тебя в Рим? На что ты надеешься и рассчитываешь? Сообщи. – «Я буду защищать в судах красноречивее самого Цицерона и в треугольном форуме никто не окажется равным мне». – Да ведь, Атестин и Цивис занимались адвокатурой (ты знаешь того и другого), но ни тому, ни другому не было поживы. – «Если это ничего не доставит, будем писать стихи: послушай только и скажешь, что это вышло из-под пера Марона». – Ты с ума сошёл: все, кого ты только ни видишь в плащах, подбитых ветерком, всё это Назоны и Вергилии. – «Зато я буду возвращаться в богатых хоромах». – Трёх или четырёх (счастливых), быть может, эта карьера обогатила, а остальная вся масса чахнет от голода. – «Что же мне делать? Посоветуй, потому что приходится жить в Риме». – Если ты хороший человек, Секст, можешь жить случаем». Эта эпиграмма и бесчисленное множество других дают право заключать, что средства к жизни Марциала были крайне ограничены². Мы ограничимся приведением двух-трёх наиболее характеристичных эпиграмм в этом отношении. В обращении некоему скупому другу Кандиду он говорит³: « КОЙНА ФИЛОН

¹ 38 эп. III книги: Quae te causa trahit vel quae fiducia Romam,
Sexte? Quid aut speras aut petis inde? Refer.
«Causas, inquis, agam Cicerone disertior ipso
Atque erit in triplici par mihi nemo foro».
Egit Atestinus causas et Civis; (utrumque
Noras); sed neutri pensio tota fuit.

² II, 43, 90. V, 13, 1 78. VI, 82, XIII, 3.

³ 43 эп. II книги:
КОЙНА ФИЛОН haec sunt, haec sunt tua, Candide, КОЙНА,
Quae tu magnilocus nocte dieque sonas:
Te Lacedaemonio velat toga lota Galaeso
Vel quam seposita de grege Parma dedit.

***** Проект «За Марциалом без билета»

[с.21] это твоё любимое выражение, Кандид, о чём ты громогласно и велеречиво кричишь днём и ночью. Тебя, не бойсь, облакает тога из шерсти, вымытой в реке Галезе, или из той, которую доставила Парма из отборного стада, меня же такая, которая подвергалась неистовствам и рогам быка. Земля Кадма (Беотия) доставила те агенорские шерстяные плащи, а наши мантии и трёх денариев не стоят (не продашь и за три денария). Ты имеешь круглые ливийские столы на ножках из слоновой кости, у меня же глиняный горшок ставят на буковом столе. Золотые блюда вмещают у тебя огромных омаров, а в моём блюде даже и рак покраснеет от стыда, а без того красный..... Из стольких богатств ты ничего не уделяешь старинному и верному приятелю, а всё, Кандид, повторяешь: ТА ФИЛОН КОЙНА!»

На ту же тему только ещё убедительнее говорит Марциал в 82 эпиграмме VI книги⁴: «Руф, кто-то хорошенько всмотревшись в меня, будто покупатель или ланиста, говорит: «ты ли тот известный Марциал, которого шутки и фарсы знает всякий, у кого только не беотийское ухо. Я слегка улыбнулся и легким наклоном головы подтвердил, что я тот самый. Отчего же, говорит, у тебя поношенная одежда? Оттого, отвечаю, что я плохой поэт и чтобы впредь этого не случалось с поэтом, Руф, присылай (мне) хорошие плащи».

⁴ Quidam me modo, Rufe, diligenter
Inspectum, velut emptor aut lanista,
(Cum vultu digitoque subnotasset)
«Tune es tune» ait «ille Martialis
Cujus nequitias jocosque novit,
Aurem qui modo non habet Beotam?»

***** Электронное издание © Александр Борисович Акимов, Харьков, 2010 *****

[с.22]

Волей-неволей Марциал должен был поступать, как и другой современный ему поэт Стаций, то есть обратиться к двору, как к источнику милостей и подарков, и назойливо выпрашивать себе то, в чем действительно нуждался. Марциал просить, побуждаемый крайнею необходимостью, а отнюдь не любостязанием; по всему видно, что это человек – самый неприхотливый и желания его самые умеренные. В этом нас вполне убеждает 55 эпиграмма I книги¹: «Если ты желаешь вкратце знать желания твоего Марка, Фронтон, украшение мира и войны, то вот чего он добивается: быть возделывателем своего собственного небольшого поля и наслаждаться спокойствием при незатейливой обстановке..... Если бы ему было возможно, довольному лесной и полевой добычей, раскинуть пред очагом наполненные сети и тянуть рыбу, бьющуюся на дрожащем волоске, доставать золотистый мёд из красного бочонка, да если бы откормленная ключница могла бы мне накрывать на стол и яйца варились в непокупной золе. Кто меня не любит, пусть и не любит такой жизни и живёт погружённый в городские хлопоты». Видно, однако, что и эти скромные желания были неосуществимы и приходилось постоянно просить. Просьбы эти, варьирующиеся на тысячу ладов, обращены главным образом к самому Домициану и не обнаруживают особенного самолюбия в бедном поэте². «Просил как то недавно у Юпитера, говорит он,

¹ Vota tui breviter si vis cognoscere Marci,
Clarum militiae, Fronto, togaeque decus,
Nos petit, esse sue nec magni ruris arator,
Sordidaque in parvis otia rebus amat.

² 10 эп. VI книги: Pauca Jovem nuper cum milia forte rogaem,
«Ille dabit», dixit «qui mihi templa dedit».
Templa quidem dedit ille Jovi, sed milia nobis

*** Проект «За Марциалом без билета»

[с.23] несколько тысяч сестерций. Тебе даст тот, отвечал бог, который мне даровал храмы. Да, он даровал храмы Юпитеру, но мне он не дал 1000 сестерций. Да и притом мне стыдно было спрашивать так мало у Юпитера. А между тем как приветливо и снисходительно прочитал он наши просьбы. Скажи мне, молю, дева, знающая мысли нашего громовержца, если он с таким выражением отказывает, с каким выражением он имеет привычку давать? Так я рассуждал, а Паллада задала мне следующий короткий вопрос: глупец, думаешь ли ты, что тебе отказали, если ещё не дали?» В этой эпиграмме оказывается два Юпитера и ко второму из них Марциал относится с большим благоговением, называя его “noster Tonans”, а Юпитер олимпийский упомянут только для параллели. Льстя в таком духе, не трудно было поэту дойти до абсурда³: «Если бы меня разом приглашали на обед (на различные планеты) от имени Юпитера и кесаря дальше, я отослал бы к небожителям следующий ответ: ищите такого, который предпочитал бы быть гостем вашего Юпитера, мой удерживает меня на земле и я остаюсь». Судя по приведенным эпиграммам и многим другим, мы вправе заключить, что щедрость Домициана была невелика, потому что Марциал просил у него беспрестанно и всё-таки оставался бедным. Отказы, впрочем, не приводили в уныние бедного поэта. «Если ты мне отказываешь,

Nulla dedit: pudet, ah, pauca rogasse Jovem.

³ 91 эп. IX книги: Ad cenam si me diversa vocaret in astra
Hinc invitator Caesaris, inde Jovis,
Astra licet propius, Palatia longius essent,
Responsa ad superos haec referenda darem:
«Quaerite qui malit fieri conviva Tonantis:
Me meus in terries, ecce, Jupiter tenet».

**** Электронное издание © Александр Борисович Акимов, Харьков, 2010 ****

[с.24] говорит он Домициану, позволь по крайней мере обратиться к тебе с просьбами»¹. Имел Марциал в Риме небольшой домик, в который не была проведена вода, вследствие чего просил у Домициана провести ему воду из соседнего источника, которая заменит ему Кастальский ручей или дождь Юпитера. И этой даже просьбы Домициан не уважил. Вообще в эпиграммах нашего поэта можно найти бесчисленное множество просьб, обращённых к кесарю, но едва ли удастся найти выражение хоть одной признательности за исполненную просьбу, разве только за титулы и почётные привилегии, которые обязывали поэта обставлять себя таким комфортом, который был ему совсем не по средствам. Невольно рождается вопрос: неужели такой поэт, как Марциал, которого эпиграммы читались всеми образованными людьми, не извлекал выгоды от продажи своих сочинений? Но, во-первых, этих образованных людей было вовсе не так много; во-вторых, заготовление большого числа экземпляров затруднялось медленностью переписки и дороговизной материала, так как пергамент и обёртка стоили больших денег, а в-третьих, и в среде читающей публики было много таких господ, которые были охотники выпрашивать себе книжки, но отнюдь не покупать. Свою досаду по этому поводу Марциал выражает неоднократно; так, в 117 эпиграмме I книги² он в сильных

¹ 24 эпигр. VIII книги: Et si non dederis, Caesar, permitte rogari.

² Occurris, quotiens, Luperce nobis:
«Vis mittam puerum» subinde dicis,
«cui tradas epigrammaton libellum
Lectum quem tibi protinus remittam?».
Non est quod puerum, Luperce, vexes.
Longum est, si velit ad Pirum venire,
Et scalis habito tribus, sed altis.

[с.25] выражениях укоряет за это своих приятелей:
«Сколько раз ты нам ни попадаешься навстречу, Луперк, тотчас говоришь: «позволь послать к тебе раба, которому вручишь экземпляр эпиграмм; по прочтении я немедленно пришлю его к тебе обратно». – Не к чему тебе, Луперк, утруждать раба, которому придётся далеко тащиться в Пирум, да и притом я живу высоко в третьем этаже (на трёх лестницах). То же, что ты ищешь, ближе найдёшь. Напротив форума Цезаря есть лавка, с исписанными половинками двери (заглавиями сочинений), так что ты быстро прочитаешь имена всех поэтов. Там меня не ищи и не спрашивай Атректа (имя хозяина лавки): он продаст тебе за пять динариев Марциала, выглаженного пемзой и переплетенного в пурпур (с красною обёрткой). Скажешь, не боясь, Луперк: столько не стоишь: И ты прав». Понятно, что в виду упомянутых условий жить на деньги, выручаемые от продажи сочинений, было невозможно в те времена даже самому популярному писателю. И так, поэт то и дело жалуется на свою бедность иногда в выражениях трогательных, иногда же со всею горечью сердца, истерзанного сознанием своей приниженности и раздраженного постоянными неудачами. Дорого обходится ему его страсть к стихотворству: он почти всегда без денег и вошел в долги (неоплатные); а между тем он должен делать подарки в праздник сатурналий и его общественное положение настолько блестящее, что друзья его считают себя вправе рассчитывать на получение от него богатых даров. Но что мог дать бедный поэт? Разумеется, стихи. Всё, что было у него, он и без того раздарил, и вот по окончании сатурналий у него не остаётся ни единого асса, и он является вынужденным предлагать в продажу оставшиеся у него подарки его

[с.26] богатого и влиятельного друга Регула (ораторскую знаменитость), которые он ему же и сбывает (16 эп. VII книги).

Было у Марциала, правда, небольшое поместье, подаренное ему, по мнению некоторых учёных, императором Домицианом, что вполне основательно опровергает Брандт¹. Поместье это досталось ему поздно после долголетнего пребывания в Риме². В виду того, что Марциал располагал слишком ничтожными средствами для того, чтобы приобрести самую незначительную собственность, можно, действительно, предположить, что он получил его в дар от одного из своих богатых друзей; но это опровергается всеми теми эпиграммами, в которых идёт речь об этом поместье: нигде Марциал не говорит, чтобы это поместье было ему подарено, и притом отзывается о нём очень нелестно, называя его ничтожным, бесплодным и не приносящим ровно никакого дохода, между-тем-как всё подаренное ему, как ничтожно оно ни было, восхваляет чрезмерно, и будь эта вилла подарок, он не позволил бы себе так о ней отзываться. Пожалуй, можно привести эпиграмму³, в которой поэт прямо говорит: “Donasti, Lure, rus sub urbe nobis”, из которой на первый взгляд несомненно, что какой-то Лупус подарил ему загородную дачу; но нижеследующие стихи той-же эпиграммы разубеждают нас в этом, потому что всю эту виллу «КАТА МЕЙОЗИС» различными сравнениями Марциал

¹ Об этом поместье, находившемся близ Номенты в сабинской области, упоминает в эпигр.: II, 38, VI, 43, VII, 31, VIII, 6, IX, 19, X, 58, XII, 57, XIII, 119.

² В Риме Марциал долгое время жил на квартире неподалеку от Castoris cauaeque Vestae temples ad Pyrum, а затем factus in illa regione senex (I, 108) переменил место жительства и перебрался к столбу тибуртинскому, соседнему с храмами Юпитера и Флоры.

³ 17 эп. XI книги.

[с.27] доводит до нуля, так что вся эпиграмма от первого до последнего стиха оказывается шуткой. Что же касается до обращения – “tu, Lure”, то это ни более, ни менее как приём эпиграмматистов, которые очень часто обращаются к вымышленному лицу. Поместье это находилось близ Номентума, недалеко от города, в сабинском участке⁴, и едва только продовольствовало поэта, который должен был ездить на рынок в Субурру за самой необходимою провизией⁵, как-то – за дыплятами, ягнятами, оливками и др. В своём уголке поэту нередко приходилось бедствовать от холода и голода. Домик, находившийся в этом хуторе, например, обнаружил течь в крыше. Стелла, один из друзей Марциала, узнав об этом, посылает ему черепиц, чтобы перекрыть крышу. «Стелла, обращается к нему поэт, вот наступил декабрь с своим резким холодным ветром, ты предохраняешь дом от холода, но не самого помещика (хозяина)⁶».

На-сколько Марциал не был избалован подарками и как он высоко ценил всякий даже ничтожный дар, видно, между прочим, из эпиграммы, обращенной к некоему Парфениану, подарившему ему изящную тогу. Марциал, в порыве радости, воспел его в эпическом тоне. Он находил эту тогу белее слоновой кости, лебедей Эвроты, голубей пафийских и из ткани более тонкой, чем самые изящные ковры Вавилона⁷. Он так боялся её обезобразить, что просил Парфениана прибавить на остальной костюм, чтобы хоть сколько-нибудь с

⁴ 61 эп. VIII книги, X, 78. VII, 49. IX, 97.

⁵ 31 эп. VII книги.

⁶ 36 эп. VII книги: “Horridus, ecce, sonat Boreae stridore December: Stella, tegis villam, non tegis agricolam”.

⁷ 28 эп. кн. VIII: Dic, toga, facundi mihi munus amici.

[с.28] нею гармонировал. Увы! Теперь от дождей она пожелтела и теперь едва ли захотел бы надеть её какой-нибудь простолудин (гражданин из трибы) дрожа от холода. «Видно, с горечью прибавляет поэт, что эта тога уже не Парфениана, а Марциала». Нуждаясь постоянно в самом необходимом, Марциал, как мы выше сказали, имел почётные титулы и привилегии, на которые не поскупились Домициан и другие кесари. Вот что говорит поэт по поводу этих отличий¹: «Дражайший Юлий, кто-то лопаётся от зависти за то, что меня читает Рим, также лопаётся от зависти, что на нас при всяком стечении народа показывают пальцем, что оба кесаря предоставили *мне право трёх детей*, что у меня есть живописная деревенька под городом и небольшой домик в городе; лопаётся от зависти, что меня жалуют друзья, что меня часто приглашают на пиры, что нас любят и что мы находим одобрение. Всякий, кто лопаётся от всего этого, пусть совсем лопнет». Это право трёх детей (*jus trium liberorum*), которого особенно добивались холостяки-эпикурейцы, да ещё звание почётного трибуна и всадника – вот те внешние отличия, которых удостоился наш поэт, обеспечивавшие ему почёт, но делавшие его положение ещё более фальшивым и неестественными при недостатке средств к жизни.

Того же самого касается поэт в 27 эпиграмме IV кни-:

¹ 97 эп. кн.IX: Rumpitur invidia, quidam carissime Juli,
Quod me Roma legit, rumpitur invidia.
Rumpitur invidia, quod turba semper in omni
Monstramur digito, rumpitur invidia.
Rumpitur invidia tribuit, quod Caesar uterque
Jus mihi natorum, rumpitur invidia.

[с.29] ги² «Август, ты часто имеешь обыкновение хвалить мои эпиграммы, но вот, завистник отрицает: так неужели это неправда? Не одними словами почтенному ты даровал мне преимущества, которых никто другой не мог дать. Но вот он, синий от зависти, грызёт чёрные ногти, ты же кесарь ещё более давай, чтобы продолжал мучиться». Своим званием трибуна величается Марциал в 96 эпиграмме III книги³: «... Меня читают повсюду. Я составляю предмет постоянных толков и молва вдруг мне придаёт имя и известность. Да и это что-нибудь да значит. Рим увидел меня трибуном и сию на том месте, откуда тебя сгоняет Океан (театральный служитель); сколько у меня оказалось граждан благодаря кесареву дару». В 13 эпиграмме V книги⁴, обращенной к некоему Каллистрату, он выставляет свои преимущества как лица, принадлежащего к сословию всадников: «Калистрат, признаюсь, я беден и был всегда таковым, но я зато всадник общеизвестный и притом не с дурной стороны. Меня часто читают по всей Империи и поговаривают: это он, и то, что смерть даёт в удел немногим, то уже предоставила мне жизнь. Положим, сотни колонн окружают твой дом и твой

² Saepe meos laudare soles, Auguste, libellos.
Invidus ecce negat: num minus ergo soles?
Quid, quod honorato non sola voce dedisti.
Non alius poterat quae dare dona mihi.

³ Ore legor multo notumque per oppida nomen
Non expectato dat mihi fama rogo.
Est et in hoc aliquid: *vidit me Roma tribunum*
Et sedeo qua te suscitatur Oceanus.

⁴ Sum, fateor, semperque fui, Callistrate, pauper,
Sed non obscurus, nec male *notus eques*,
Sed toto legor orbe frequens et dicitur: «hic est»,
Quodque cinis paucis, hoc mihi vita dedit.

[с.30] сундук набит туго (вмещает сокровища вольноотпущенников). У тебя бесчисленное множество рабов и несметные стада¹. Вот что я и что ты. Но то, что я теперь, тем ты и не можешь быть; тем же, что ты, может быть любой из черни». В подобном самоуспоении и кичливости поэта проглядывает ребячество, непростительное для серьёзного и мыслящего человека.

И так, Марциал, по своей должности трибуна, пользовался всеми правами и преимуществами её, кроме, разумеется, жалованья. По званию всадника² он имел почётное место в театре в одном из XIV рядов, отведенных для сословия всадников. Вопрос о праве трёх детей, которого так добивался Марциал и получил от Домициана, находится в тесной связи с вопросом о его женитьбе. Здесь предстоит решить несколько вопросов: во-первых, был ли женат Марциал во время своего тридцатипяти-летнего пребывания в Риме? Если был, то сколько раз? В третьих, была ли Марцелла, упоминаемая в позднейших эпиграммах Марциала, его супругой или только покровительницей? По мнению Низара, эпиграммы дают право заключать, что Марциал был женат три раза, так как упоминаются три различные женщины, к которым он обращается со словом «ихог»³. Подробнее разработал этот вопрос Лессинг. Прежде всего он задаётся вопросом: имел ли жену Марциал в бытность в Риме? На этот вопрос, наперекор мнению учёных, он отвечает отрицательно.

¹ Буквально: тебе прислуживает отродье нильской Сиены и галльская Парма стрижет твои несметные стада.

² Об этих почётных титулах он говорит в следующих эпиграммах: III, 95, V, 13, IX, 50, XII, 26.

³ 92 эп. XI кн., 104 эп. XI кн., 31 эп. XII кн.

[с.31] Какова же его аргументация? Обращается он сперва к 92 эпиграмме II книги, которая гласит следующее: «Единственный человек, который мог мне даровать право трёх детей, предмет моих желаний, даровал мне его в награду за мою поэтическую деятельность. Простимся с тобой, супруга, ибо дар владыки не должен погибнуть»⁴. Были учёные, которые принимали эту шутку в серьёзном смысле; лучше сказать: ни один не нашёлся до Лессинга, который бы не понимал этого буквально. Они разногласят только относительно того, как поэт понимал – *valebis uxor*? Не возвестил ли он ей этим о желании развестись с ней, или не заключат ли эти слова намёк на то, что ей пора умереть, если она сама не догадывается избавить поэта от собственной персоны⁵. Лессинг делает очень остроумную догадку, предлагая понимать слова *valebis uxor* в смысле: «к чему мне жена, что я с ней буду делать», и что таким образом “*jus trium liberorum*” было ему предоставлено в бытность его холостым. Но ведь, не в этой одной эпиграмме Марциал трактует о супруге. В 105 эпиграмме XI книги, например, он высказывается определённое и изъясняет причины своей холодности и даже враждебного чувства к супруге; эпиграмма эта по своему циническому характеру представляет большие неудобства для точной передачи содержания, так что мы находим себя вынужденными десять стихов выбросить совершенно; послушаем,

⁴ 92 эпигр. II книги:

Natorum mihi jus trium roganti
Musarum pretium dedit mearum
Solus qui poterat. Valebis, uxor.
Non debet domini perire munus.

⁵ Бедный Марциал и не подозревал, что ему навяжут такие преступные замыслы.

[с.32] что же говорит поэт¹: «Жена, ступай вон, или придержишься наших нравов. Я ни Курий, ни Нума, ни Таций. Меня тешат ночи, проведенные за приятными бокалами, а ты, суровая, напившись простой воды, спешишь рано вставать. Ты рада сумеркам, а мне приятно пошалить при свете фонаря..... Тебя скрывает повязка, туника и непроницаемый паллиум, а мне ни одна дева не представляется достаточно обнажённой (т.е. как бы ни был прозрачен её костюм). Меня привлекают поцелуи, свойственные нежным голубкам, а ты меня подчуешь такими, какими наделяешь старую бабку в утренних приветствиях». Довод Лессинга, что «здесь говорят такие вещи, которые редко придут в голову супругу, когда он говорит о жене», по нашему мнению, не убедителен, в особенности если взять во внимание, что в эпоху Домициана узы семейной жизни далеко не отличались прочностью и подобные отзывы о жене были не в диковинку². Так или иначе Лессинг остаётся

¹ 104 эп. XI книги:

Uxor, vade foras, aut moribus utere nostris.
Non sum nec Curius, nec Numa, nec Tadius.
Me jucunda juvant tractae per pocula noctes:
Tu properas pota surgere tristis aqua.
Tu tenebris gaudes: me ludere teste lucerna
Et iuvat advissa rumpere luce latus.
Fascia te tunicaeque obscuraque pallia celant:
At mihi nulla satis nuda puella iacet.
Basia me capiunt blandas imitata columbas:
Tu mihi das, aviae qualia mane soles.

² Лессинг приводит ещё такие эпиграммы, из которых, по его мнению, прямо следует заключать, что он не был женат.

Кн. VIII, эп.12: Uxorem quare locupletem ducere nolim,
Quaeritis? Uxori nubere nolo meae.
Inferior matrona suo sit, Prisce, marito:
Non aliter fiunt foemina virque pares.

Другие заключали, что это относится к тому времени, когда уже Марциал овдовел, что правдоподобнее.

[с.33] при мысли, что Марциал, пока находился в Риме, пребывал холостым и женился только по возвращении в Испанию. Особа, на которую пал выбор Марциала по возвращении на родину, была, по мнению Лессинга, та же самая Марцелла, которая, из удивления к его таланту, подарила ему поместье. Что касается до нас, то мы придерживаемся того мнения, что Марциал в течении своего тридцатипяти-летнего пребывания в Риме один раз был женат и что нет основания думать, что в двух приведенных эпиграммах (92 эп. II кн. и 104 эп. XI кн.) имеются в виду две различные женщины; напротив – эти две эпиграммы совершенно солидарны и как та, так и другая указывают на неприязненные отношения, существовавшие между Марциалом и его женой. Что же касается до испанки Марцеллы (см. ниже), то мы не имеем никаких данных, чтобы утверждать, что Марциал был на ней действительно женат, и это остаётся голословным предположением. Наконец, в IX книге эпиграмм, относящейся ко времени пребывания Марциала в Риме, есть одна (76-я)³, заключающая в себе указание, что Марциал имел сына, умершего в цвете лет и оплакиваемого поэтом: «Это лицо (портрет) которое вы видите, есть – моего Камона: такова была наружность мальчика и его юная красота. Он уже достиг было 20-летнего возраста и радовался, что борода окаймляла

³ Haec sunt illa mei quae cernitis ora Camoni,
Haec pueri facies promaque forma fuit.
Creverat hic voltus bis denis fortior annis
Gaudebatque suas pingere barba genas, и т. д.

[с.34] его щёки.... Позавидовала одна из трёх сестер и подрезала нить, ускоривши свою работу, и урна доставила отцу прах его, за-глазами умершего. Но чтобы не одна картина гласила о моём мальчике, то пусть его образ будет запечатлён в моей книге». Сближение Марциала с его землячкой, испанкой Марцеллой, относится к последнему периоду его жизни, когда он вернулся на родину – в Бильбилис. Об этом решении возвратиться на родину он рассказывает в эпиграмме, обращенной к некоему Манию, одному из близких друзей (20 эп. X кн.)¹: «Маний, мой возлюбленный с малых лет и друг моего детства, тебе я обязан тем, что кельтиберидский Салон манит меня к своим берегам и что у меня явилось желание навестить родной кров (буквально – «висячий кров» *pendula tecta*).... С тобой я мог бы ужиться (полюбить) даже в гетулидских хижинах знойного Карфагена и полюбить скифские землянки. Если у тебя те же чувства и обоюдная симпатия к нам, то, где угодно, для нас обоих будет Рим». Таким образом возвращение на родину все-таки для поэта почти равносильно ссылке, и если он решается на это, то только в присутствии дорогого для него человека, который разделит с ним горечь удаления из Рима. (О мотивах, заставивших Марциала принять подобное решение, мы будем иметь случай говорить ниже, разбирая вопрос о его отношениях к Домициану).

¹ Ducit ad auríferas quod me Salo Celtiber oras,
Pendula quod patriae visere tecta libet,
Tu mihi simplicibus, Mani, dilectus ab annis
Et praetextata cultus amicitia
.....
Tecum ego vel sicci Gaetula mapalia Poeni
Et poteram Scythicas (hostis) amare casas.

***** Проект «За Марциалом без билета»

[с.35]

На родине Марциал получил в подарок поместье от одной образованной испанки Марцеллы, вероятно почитательницы его поэтического таланта². «Эта роща, эти источники, говорит поэт, этот плетёный навес из свесившихся пальмовых ветвей, эти струи прозрачной воды и цветники, не уступающие розам Пестума, два раза в год расцветающим, эти овощи, созревающие в январе и нестрадающие от стужи, и угорь, плавающий в домашнем пруде, и белая башня с птицами подобного же цвета: всё это – дары госпожи. Марцелла подарила эти лары и небольшое царство мне, возвратившемуся на родину после тридцатипятилетней отлучки. Если бы сама Навсикая предложила мне сады своего отца, я мог бы сказать Алкиною: предпочитаю мои собственные». За такой капитальный подарок Марциал щедро расточает похвалы щедрой почитательнице его таланта: «Марцелла, кто сочтёт тебя гражданкой неприветливого Салона и уроженкой наших мест.... Холм палатинский, раз тебя послушав, провозгласил бы тебя своей гражданкой.... Ты облегчаешь для меня тоску по державном Риме, ты одна для меня заменяешь Рим»³.

² 31 эп. XII книги: Hoc nemus, hi fonts, haec textilis umbra supini
Palmitis, hoc riguae ductile flumen aquae,
Prataque nec bifero cessura rosaria Paesto
Quodque viret Jani mense, nec alget olus;
Quaeque natat clusis anguilla domestica lymphis,
Quaeque gerit similes candida turris aves:
Munera sunt dominae: post septima lustra reverso....

³ 21 эп. XII книги: Municipem rigidi quis te, Marcella, Salonis
Et genitam nostris quis putet esse locis?
.....Palatia dicent,
Audierint si te vel semel, esse suam.
.....

[с.36]

И так, только на старости лет в своей суровой родине поэт увидел себя обеспеченным. Когда же он покидал Рим, настолько нуждался, что не имел средств на путевые издержки, которые взял на себя Плиний Младший, покровительствовавший ему¹. По возвращении в Бильбилис, он три года не брался за перо, скучая за Римом, за театром, за библиотекой, за нравами, представлявшими столь обильный материал для эпиграмм. Он не был в состоянии переносить уединение и не мог себе простить нелепого решения поселиться в невежественном провинциальном городе, да в добавок не занимаясь литературой и поневоле завидуя тем, которые, оставаясь в Риме, могли продолжать подобные занятия.

Подобное настроение поэта вполне высказалось в его введении к XII книге эпиграмм: «Знаю, говорит он, что должен оправдаться в упорном трехлетнем бездействии, которое было бы даже непрослительно среди городских занятий, имеющих тот результат, что, по-видимому, мы более хлопочем, нежели работаем, тем более в этой провинциальной глуши, где, если не предаться всецело труду, то пребываем в полном одиночестве без утехи и оправдания. И так, выслушай следующий довод: самое существенное в нем то, что мне нужны цивилизованные слушатели, к которым я привык, а иначе мне кажется, что я произношу речи на чуждом для меня форуме. Поэтому если в моих сочинениях есть что-нибудь такое, что нравится читателям, то это мне продиктовал просвещенный слушатель. Мы ощущаем совершенный недостаток в тонких суждениях, библиотеках, театрах, салонах,

¹ Это было деликатное выражение признательности за тонкую похвалу, какой удостоил Марциал его характер и талант в одной из своих эпиграмм.

[с.37] при которых с большою охотой отдаёшься литературным занятиям, одним словом – лишены того, чем избалованные мы покинули Рим»².

Увлекаясь несколько самомнением, Марциал, вероятно, несколько свысока относился к своим невежественным соотечественникам и нажил себе врагов в Бильбилисе. В XII книге эпиграмм, относящейся к этому периоду, сказывается уныние, разочарование, грусть иногда очень искренно и художественно. «Если ты желаешь, говорит он в обращении к приятелю Юнию Марциалу, избежать горестей и изгладить из твоего сердца гнетущие печали, не заводи тесной дружбы ни с кем; у тебя будет менее поводов радоваться, но зато и реже придётся испытывать горькое разочарование».

Марциал не обладал достаточно глубокой и сосредоточенной натурой, чтобы обходиться без общества: привыкши жить на виду и среди суеты, он, предоставленный самому себе, ощущал совершенную пустоту; несравненно лучшим и более отрадным временем для него было то, когда он, живя в кипучем Риме³, набрасывал эскизы тех пороков, которых он сам был очевидцем; как он себя ни утешает, а возвращение

² Scio me patrociniū debere contumacissimae trienni desidia; quo absolvenda non esset inter illas quoque urbicas occupations, quibus facilius consequimur, ut molesti potius quam ut officiosi esse videamur; nedum in has provinciali solitudine, ubi nisi etiam intemperanter studemus, et sine solatio et sine excusatione secessimus.

³ К последнему пятилетию пребывания поэта в Риме относятся его некоторые поездки ради развлечения. Так, в 4 эп. III кн. он говорит, что так как далее не мог выносить *vanae taedia ferre togae*, то, покинув Рим, он путешествовал в циспаданской Галлии и побывал в городах Forum Corneli (III, 4), Altinum (IV, 25) и в Равенне (III, 56, 57). Предпринимал также поездку в Байи, как явствует из 57. IV.

[с.38] в отчизну было для него тяжёлым испытанием, которое мало-помалу и свело его в могилу¹.

Хотя нельзя с совершенною точностью определить, в котором году скончался Марциал; однако, имея в виду те соображения, которые мы высказали, определяя его год рождения, можно придти к более или менее верной цифре. Мы знаем, что поэт выехал из Рима в 97 или 98 году и XII книгу своих эпиграмм издал три года спустя после прибытия в Испанию. Это даёт нам право заключить, что он умер во всяком случае не ранее 100 или 101 года. Что же касается до желания, выраженного им в 24 эпигр. X книги, достигнуть 75-летнего возраста², то ему не суждено было осуществиться, что явствует, во-первых, из того, что если бы он долго прожил на родине, наверное продолжал бы писать эпиграммы, во-вторых, то известное письмо Плиния младшего (21, III), в котором он сетует по поводу смерти Марциала, наверное писано ранее 113 года, когда умер Плиний.

Вот почти все те данные, касающиеся жизни поэта, которые можно извлечь из его произведений. Несравненно более богатый материал представляют его эпиграммы для оценки его как человека, со стороны убеждений, отношений к другим литературным знаменитостям и прч. Имея в виду представить

¹ Ещё в Риме неоднократно Марциал был тяжело болен, о чём он говорит в эпигр. VI 58, 70, 7-11. VIII 25.

² His (т.е. к 57 годам) vos, si tamen expedit, roganti
Annos addite bis precor novenos.
Ut nondum nimia piger senecta,
Sed vitae tribus areis peractis
Lucos Elysiæ petam puellæ.
Post hunc Nestora nec diem rogabo.

***** Проект «За Марциалом без билета»

[с.39] наши соображения о личности Марциала вообще в одной из дальнейших глав, считаем не лишним привести несколько привлекательных черт его натуры, заканчивая биографический очерк и переходя к тем сторонам Марциала, которые наиболее всего бросают на него тень. Мы ещё в введении имели случай говорить, что мы совершенно не сочувствуем тому взгляду, по которому Марциал представляется человеком без нравственных принципов, без религии, не щадившим самолюбия ради личных выгод, и готовым из-за подачек льстить всем и каждому. Привлекательные свойства его натуры обнаруживаются при самом поверхностном знакомстве с его произведениями. Во-первых, Марциал был незаменимый друг в благороднейшем смысле этого слова: самые художественные из его эпиграмм внушены нежными и деликатными чувствами к друзьям³. В своих понятиях о дружбе он резко расходится с взглядами и понятиями своих современников во времена полного господства эгоизма (хищнического и безграничного) Например, он высказывает мысль, что то, что дают друзьям, есть единственное благо, которое не пропадает безследно: "Extra fortunam est quidquid donatur amicis". И не смотря на то, что он был беден и более склонен получать нежели давать, искренность его в данном случае несомненна, так как он отдавал последнее. «Я люблю твои апрельские календы, говорит он в обращении к Квинту, в такой же степени, как и мои мартовские, одинаково радостные, потому что один из этих

³ Имея многих друзей, Марциал не имел также недостатка в завистниках, конкурентах и врагах, что явствует из весьма многих эпиграмм, как напр. 77, II, 9, III, 33, V, 64, VI, 45, X, 2, XIII, 27, IV, 61. VIII, 38 IX, 94, XI.

***** Электронное издание © Александр Борисович Акимов, Харьков, 2010 *****

[с.40] дней даровал мне жизнь, а другой – друга, но твои календы, Квинт, дали более». Между своими друзьями поэт насчитывает несколько личностей весьма почтенных, напр. – знаменитого Антонина Прима, главу флавианской партии, которому Веспасьян обязан был властью. У Марциала хранился бюст этого замечательного человека, который он украшал фиалками и розами. «Если-бы искусство, говорит он, могло бы воспроизвести характер и нравы подобно тому как оно воспроизводит черты лица, не было бы в мире лучшего поэта, нежели Антонин».

Между всеми приятелями Марциала наиболее искренним расположением пользовался некий Дециан, сельский хозяин, человек прекрасной души, которому он посвятил вторую книгу эпиграмм. 39 эпиграмма первой книги воспроизводит его привлекательный образ¹. «Если кого придётся причесть к редким друзьям, каких знавала старинная верность и седовласая молва, если кто наделен дарами премудрости и настоящею простотой, если кто будет стражем справедливости, поклонником честного и сокровенными устами ничего не станет просить у богов, если кто найдёт опору (в жизни) в светлом уме, пусть я погибну, если это не Дециан». Не мене искренняя дружба соединяла Марциала с его тезкой, Юлием Марциалом, которому он посвятил шестую книгу эпиграмм

¹ Si quis erit raros inter numerandus amicos,
Quales prisca fides famaue novit anus,
.....
Si quis erit recti custos, mirator honesti
Et nihil arcano qui roget ore deos,
Si quis erit magnae subnixus robore mentis:
Dispeream, si non hic Decianus erit.

[с.41] и кроме того многие эпиграммы других книг². Ему же поэт высказывает свой скромный жизненный идеал, те скромные требования, которые он предъявляет от жизни, и в чем, по его мнению, заключается истинное счастье: «Вот, любезный Марциал, что делает жизнь самую счастливой: состояние не благоприобретенное, но доставшееся по наследству, не бесплодное поле, надёжный (постоянный) очаг, свобода от тяжб, редкое облачение в тогу, спокойный характер, нормальные силы, здоровый организм, простота в соединении с мудростью, подходящие друзья, приятные беседы (застольные), бесхитростный стол, безпечные, но не разгульные ночи, приятное, но целомудренное ложе, сон, который сокращал бы длинные сумерки. Будь доволен тем, что есть, и ничего не желай (больше). Последнего дня не страшись, но и не желай»³.

Нельзя не согласиться также с мнением Низара, что любовь к красотам сельской природы говорит в его пользу, так как подобное стремление чуждо человека деморализованного, всегда предпочитающего шумную и распутную жизнь большого города. Замечательно, что наиболее художественные эпиграммы Марциала внушены созерцанием деревенской природы; сколько, например, неподдельной теплоты в стихах, в которых поэт одобряет намерение своего друга Домиция отправиться

² 64 эп. IV кн., 20 эп. V кн., 17 эп. VII кн., I. 15. III, 5, VI. LX, 47 XI, 80, XII, 34

³ 47 эп. X книги: Vitam quae faciant beatiorem,
Jucundissime Martialis, haec sunt:
Res non parta labore, sed relicta;
Non ingratus ager, focus perennis;
Lis nunquam, toga rara, mens quieta;
Vires ingenuae, salubre corpus.

[с.42] в живописную местность Верцеллы¹: «Умри я, Домиций, если я не охотно отпускаю тебя; хотя для меня и не существует ясных дней без тебя, но я вполне разделяю твоё горячее желание облегчить твою шею хоть на одну жатву, шею, отягчённую игом города. Отправляйся и представь поласкать себя солнечным лучам. Как хорош будешь ты, Домиций, когда сделаешься чужестранцем». Ничего лучшего в художественном отношении не оставляет желать 30 эпиграмма X книги, в которой Марциал описывает усадьбу в поместье Аполлинария Формийского²: «Здесь тихий зефир рябит поверхность моря, и хотя поверхность воды спокойна, но в самом спокойствии есть жизнь. Легкий ветерок подталкивает расписную лодку, ветерок, подобный тому, который производит молодая девушка своим пурпурным плащом (вероятно паллой) чтобы освежиться от летнего зноя.... Счастливы сельские рабы и прикащики! Ваши господа приобретают эти наслаждения, а вы ими пользуетесь». Приведенных эпиграмм достаточно, чтобы убедиться в симпатичной, доброй и склонной к дружбе натуре поэта, которому вовсе не по-сердцу была разгульная жизнь римских богачей.

—
[Конец Главы Первой]

¹ 12 эп. X кн.: Ne vivam nisi te, Domiti, dimitto libenter,

Grata licet sine te sit mihi nulla dies.
Sed desiderium tanti est, ut messe vel una
Urbano relevas colla perusta jugo.

² Hic summa leni stringitur Thetis vento;
Nec languet aequor, viva sed quies ponti
Pictam phaselon adjuvante fert aura.
Sicut puellae non amantis aestatem
Mota salubre purpura venit frigus.

***** Проект «За Марциалом без билета»

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Отношения Марциала к Домициану. Заслуживает ли безусловного осуждения его лезть? Вопрос о циническом элементе в эпиграммах Марциала. Низар и Лессинг усердные защитники Марциала. Разбор их аргументов.

Все исследователи, занимавшиеся Марциалом, ставили ему в вину раболепное отношение к Домициану и низкую лезть, которую он расточал перед этим тиранном. Даже Низар, вообще относящийся очень сочувственно к Марциалу, чувствует себя несостоятельным смуть с него вполне это пятно. Прежде чем произносить какое-либо определённое суждение по этому вопросу следует припомнить, как относился Домициан к литературе, и дать себе отчёт, каково было настроение лучших умов того времени. Такой обзор, хотя и очень поверхностный, даст нам право судить – имел ли Марциал хоть какое-нибудь основание льстить Домициану. Мы увидим, действительно, что Домициан, при всём своём деспотизме и преследовании писателей известной категории, в то-же время принёс некоторую долю пользы литературной производительности и некоторыми своими мерами заслужил даже право на признательность со стороны представителей литературного движения.

[с.44]

Непохожий на своих предшественников, Домициан принёс с собой ещё более печальные времена, нежели Нерон. Каким мрачным колоритом оттенено его царствование в истории римских кесарей, мы можем достаточно судить из слов одного из лучших людей и писателей того времени, Корнелия Тацита: «Бесчеловечно поступали, говорит он, не только с писателями, но даже с их сочинениями, так-как особым чиновникам было вменено в обязанность сжигать в комициях и на форуме памятники славных талантов. Разумеется, (притеснители) воображали, что с этим огнём замолкнет голос народа римского и погибнет свобода сената и чувство сознания собственного достоинства, в особенности после изгнания наставников мудрости и с удалением всего честного в изгнание, чтобы оно уже совсем не встречалось». «Мы, продолжает Тацит, представили великий пример терпения, и подобно тому как век минувший был очевидцем того, каких размеров может достигать свобода, так и мы в свою очередь видим, до каких размеров может достигать рабство, вследствие того что шпионство отняло всякую возможность обмена мыслей». Не смотря на справедливость этих сетований благородного историка, нельзя не признать того факта, что Домициан подобно Нерону, в особенности в первую половину своего царствования, обнаруживал интерес к поэтам и поэзии и даже сам издал свои стихотворения, хотя впоследствии доказал полное пренебрежение к этой-же самой поэзии¹, известно, между прочим, что в видах покровительства литературе Домициан учредил *certamina quinquennialia* в честь Юпитера капитолийского в трёх отделениях – музыкальном, конном и гимнастическом,

¹ Существует опыт юношеского трудолюбия Домициана в виде отрывка перевода из Азата под именем цезаря Германика.

[с.45] где допускались к соисканию премий сочинения на греческом и латинском языках. Подобные же состязания для поэтов и ораторов устраивал он ежегодно во время квинкватрий, (празднеств в честь Минервы) в своей Альбанской вилле. Нет после этого ничего удивительного, если придворные поэты курили ему фимиам. Даже Квинтилиан, осыпанный милостями императора, расточает пред ним лесть, восторгаясь поэтическим талантом Домициана²; нельзя также не вменить в заслугу Домициана и то, что он восстановил библиотеки, истреблённые пожарами, отдав приказание усердно разыскивать утерянные экземпляры, и специально с этой целью посылал учёных в Александрию, чтобы переписывать редкие рукописи.

12 лет внутреннего мира и кроткого правления Веспасиана и Тита принесли свои плоды, которых не мог вполне уничтожить деспотизм Домициана. Великие писатели, создавшие процветание литературы при Нерве и Траяне, образовывались и совершенствовались свои таланты при Домициане. Годы его правления всё-таки ознаменованы появлением такого капитального литературного памятника, как *Historia Naturalis* Плиния Старшего. Другие же первостепенные таланты, как Тацит и Ювенал, терпеливо выжидали лучших времён, чтобы выступить смелыми бойцами на арене литературной деятельности.

Имея в виду коснуться отношений Марциала и к преемнику Домициана, Нерве, считаем не лишним сказать несколько слов по поводу его благотворной деятельности для возрождения литературы.

М. Кокцей Нерва после смерти Домициана, в 96 году, открывает собой ряд благодетельных государей, при которых

² *Quint., Inst. orator. lib. X, 1, 91.*

[с.46] империя в течении целого столетия отдыхала и благоденствовала. Все лучшие люди с трогательною радостью приветствовали эту занимающуюся зарю новой жизни после дней плача, печали и унижения. Этот восторг всех благонамеренных художественно изобразил Тацит в третьей главе «Vita Agricolaе»: «Теперь только мало-по-малу оживаем, хотя кесарь Нерва, в самом начале своего благодетельного правления, умел примирить две несовместимые вещи – единовластие и свободу, и теперь кесарь Траян с каждым днём увеличивает благоденствие. Общественная безопасность и спокойствие вполне упрочены; но, по свойственной людям слабости, целительные средства действуют гораздо медленнее, нежели язвы, и подобно тому как тела растут медленно, а уничтожаются быстро, так талант и литературную производительность легче подавить, нежели опять вызвать к жизни. Да вдобавок сюда присоединяется также приятность свободного бездействия и праздность сначала ненавистная, а потом входящая в привычку. В течении пятнадцати лет, что составляет значительную часть человеческой жизни, многие, вследствие случайностей, а наиболее энергичные погибли от жестокостей государя. Немногие из нас пережили не только других, но и самих себя, так-как за исключением из жизни стольких бесплодных лет, в течение которых мы из цветущих юношей сделались стариками, старики уже достигали крайних пределов жизни. Тем не менее всё-таки отрадно даже нескладной и неопытной речью сопоставить воспоминание о прежнем рабстве и повествование о теперешнем благополучии».

Мы начнём с того, что приведём эпиграммы, в которых наиболее рельефно сказывается эта, действительно, приятная и доходящая до абсурда лесть нашего поэта.

[с.47]

«Никакие¹ времена, говорит он, о великий кесарь, не могут быть предпочтены твоим. Когда можно было смотреть (быть очевидцем) на более достойные триумфы, когда боги Палациума более подвизались? При каком вожде Рим Марса был великолепнее и величественнее, *при каком государе свобода достигала таких размеров?*» Или в третьей эпиграмме IX книги желание польстить Домициану внушает ему следующую сумасбродную мысль². «Кесарь, сколько даров ты уже предоставил небожителям! Что если-бы ты пожелал потребовать их назад и предъявить долговые претензии, то, хотя бы и состоялся аукцион на воздушном и возвышенном Олимпе, боги оказались бы вынужденными продавать всё, что имеют. Смутится и Атлант, и у него даже не окажется двенадцатой части. Что же, в самом деле, может он тебе заплатить за capitoлийские храмы?..... Палладу я прохожу молчанием: она ведёт твои дела. А что мне сказать об Алкиде, Фебе и почтительных лаконцах, да ещё о флавиевых храмах в Лации. Необходимо, Август, чтобы ты потерпел и подождал, потому что казна Юпитера не так богата золотом, чтобы он мог расплатиться с тобой».

Поэт на-столько освоился с лестью, что при Нерве, пре-емнике Домициана, любившем простоту, он чувствовал себя

¹ V кн. 19 эпигр.: praeferrī, maxime Caesar,
Temporibus possunt saecula nulla tuis.
Quando magis dignos licuit spectare triumphos?
Quando Palatini plus meruere dei?

² Quantum jam superis, Caesar, caeloque dedisti
Si repeats et si creditor esse velis,
Grandis in aetherio licet auction fiat Olympo
Coganturque dei vendere quidquid habent.

[с.48] стеснённым¹. «Напрасно, говорит он, льстивые речи, приходите ко мне, жалкие и с истёртыми устами, я никого не буду именовать владыкой и богом. Не место уже вам в этом городе; идите далеко к парфянам в мохнатых шапках, и постыдные, низкие, распостёртые лижите подошвы татуированных царей. Здесь уже ни владыка, ни император, но наисправедливейший сенатор, благодаря которому из стигийских мест обратно призваны деревенская простота и правда с неумощёнными волосами. Если у тебя есть голова на плечах, остерегайся при этом государе придерживаться прежнего способа выражения мыслей»².

Разбирая вопрос об отношениях Марциала к Домициану, мы позволим себе остановиться на некоторых доводах, которые приводит в оправдание нашего поэта французский исследователь

¹ 72 эпигр. X книги: Frustra Blanditiae venit ad me
Attritis miserabiles labellis.
Dicturus dominum deumque non sum.
Jam non est locus hac in urbe vobis;
Ad Parthos procul ite pileatos
Et turpes humilesque supplicesque
Pictorum sola basiate regum.

² Все деяния Домициана в мире и на войне Марциал превозносит как образцы мудрости и храбрости (ср. напр. Кн. VI, 4 о возобновлении Юлиева закона VI, 2, 7, IX, 7, 9, о возобн. lex theatralis кн. V, о воинских деяниях II, 2, V, 2, 19, 65, VII, 6) и не может найти достаточно выражений, чтобы изобразить благоденствие Рима после возвращения столь милосердного государя (spect. 20 exb. VI, 83), называя его неоднократно pater patriae (spect. 3, IV, 1, 3). VIII книга, изданная по возвращении Домициана, исполнена самой унижительной и безстыдной лести. Таким характером отличаются эпиграммы 2, 4, 8, 11, 15, 21, 26, 36, 30, 50, 55, 65, 78, 80, 82 затем из IX 2, 21, 33, 40, 80, 92, 94, 102. Мы воздерживаемся цитировать эти эпиграммы в русском перифразе, потому что все они в высшей степени однообразны, бесцветны и бессодержательны.

[с.49] Низар. Внимательно осмотревшись в материальных условиях, в которые был поставлен Марциал, Низар приходит к заключению, что мы не вправе строго относиться к самому факту лести. Что он льстил, это – несомненно. Но что ему оставалось делать? К чему повела бы оппозиция? Принимать участие в составлении заговоров вышло из моды, в особенности после участи Лукана и Петрония, людей хорошего происхождения, для которых все-таки существовали политические интересы, между тем как Марциал, будучи бедными и по происхождению чужеземцем, которого не привлекали к Риму ни фамильные, ни сословные интересы, выходец из Испании, появившийся в Риме, чтобы поискать счастья, ни в каком случае не мог решиться подражать какому-нибудь Бругу или Катону и, так сказать, присоединиться к их великим теням. С другой стороны, хранить молчание и отрешиться от лести, по мнению Низара, было бы делом не менее рискованными и могло бы привлечь внимание доносчиков. Необыкновенное сочувствие и сострадание вызывают, по мнению Низара, подобные пришлецы-поэты, как Марциал, вынужденные ходить в дырявых тогах и перебивавшиеся на скудные щедроты своих тогдашних меценатов. И действительно, стоит пожалеть Марциала, Стация и всех им подобных писателей императорского Рима, прибывших из отдалённых провинций. Это – люди, увенчанные лаврами и живущие в крайней нищете в обществе сильных мира благодаря милостям двора; эти сильные мира ослепляют их своим блеском и тщеславием.

Поэты эти – господа по уму и рабы по платью, на которых указывают пальцем за их талант и за их жалкий наряд и которых могут принять за плохих поэтов, вследствие их

[с.50] истёртых тог. Невольно пожалеешь их, если припомнить, какой почёт воздается в наш век людям с талантом, с каким комфортом живут они (В. Гюго). Правда, нельзя не согласиться, что лесть Марциала отличается недостойным характером если, например, он утверждает, что Янус, видя проходящего Германика (Домициана), желал иметь ещё более глаз и не довольствовался двумя лицами, и если бы утренняя звезда, долженствовавшая показать день прибытия кесаря, запоздала подняться, кесарь мог её легко заменить, и народ не заметил бы отсутствия светила всякий раз, как кесарь показывался ¹, или если он говорит Юпитеру: приходи обедать к кесарю, если имеешь сильное желание его видеть ², наконец – он написал девять нелепых эпиграмм на зайца и льва, прирученных Домицианом ³, льва, который предоставляет свою пасть зайцу для забавы, и чудного зайца, который не имеет другого спасения от зубов собаки кроме пасти льва, – тем не менее однако высказанные соображения не дают нам права безусловно обвинять Марциала за приторную лесть.

Что же в самом деле выпадало, в противном случае, на долю поэтов. Разве прозябать в убогом домишке, носить ключ при себе, донашивать свою тунику, с спортулой под мышкой с раннего утра получать от управляющего патрона несколько монет и за такую ничтожную плату сопровождать его ежедневно, как императора, жить подажаниями, есть где-нибудь в конуре или в каком-нибудь уголке рынка тухлую

¹ Эп.11 VIII кн.

² Эп.39 VII кн.

³ Эп.15,7,23. 46, 49, 52, 105, 61 I книги.

[с.51] рыбу и овощи и в то-же время сознавать, что вас повсюду читают до границ римской империи. Понимая их фальшивое положение, Низар не имеет духу обвинять Марциала за его приторную лесть и не редко возмутительную (как мы выше имели случай убедиться). Наконец обстоятельство, смягчающее вину поэта, Низар видит в том факте, что Марциал хвалит Домициана только за поступки действительно похвальные, никогда не унижаясь настолько, чтобы превозносить пороки и преступления этого императора. Он, например, превознёс указ Домициана, воспрещающий кастрацию и развращение детей, затем поэт восторгается его страстью к постройкам, играм и зрелищам, даваемым им для народа. На это можно было бы возразить, что он превозносит до небес и то, о чём едва-ли стоит упоминать, например – простую удачу он возводит в триумф и т.д. Поэту приходилось прибегать к подобным натяжкам в виду того, что деятельность Домициана представляла слишком скудный материал для хвалебной оды (насколько обильный для сатир) отсюда необыкновенное однообразие этих похвал и повторение одного и того же.

Взявшись отстаивать Марциала, Низар также усердно старается защитить его против тех, которые изобличают его в том, что он, превозносивший до небес Домициана при жизни, бранит его после смерти. Брань эту, косвенно выраженную, видят в тех эпиграммах, в которых поэт восхваляет преемника Домициана. В эпиграммах этих, по мнению Низара, виден ни более, ни менее как поэт, мало заработывавший ремеслом льстеца, тяготившийся этим ремеслом, но сохранявший известный такт всякий раз, как упоминал о своём бывшем господине. Если изменившийся порядок вещей с воцарением Нервы наконец не мог улучшить материального

[с.52] положения Марциала, вымогавшего своей лестью подарки, то всё-таки он был настолько патриот, что хвалил новый порядок, доставивший спокойствие гражданам, и при этих похвалах он вовсе не имел задней мысли кольнуть умершего Домициана. Такова, например, 6-ая эпитаграмма XII книги, где Марциал в самых искренних выражениях изливает радость гражданина по поводу новых хороших порядков при Нерве¹. «Выпал на долю Италии самый мягкосердый из сановников, Нерва; теперь можно наслаждаться целым Геликоном: чистосердечная Правда, веселая Милость и мудрая Власть уже возвращаются, нескончаемые Страхи показали тыл. Вот о чём, богобоязненный Рим, молят твои народы: «пусть у тебя всегда будет подобный вождь и этот – как можно более». Приветствую тебя, обладатель духа, которым редко кто обладает: твои нравы подобны нравам Нумы и Катона. Теперь можно быть щедрым, снискивать себе славу, обогащаться... всё это теперь возможно и позволительно».

Хотя доводы Низара настолько убедительны, что мы отказываемся безусловно осуждать Марциала за его лесть в виду его убожества и униженного положения; но не можем не видеть в этом бесхарактерности и даже трусости – полное молчание в этом случае обнаружило бы в нём прямую и непреклонную натуру и человека, неспособного из-за милостыни говорить против убеждений.

¹ Contigit Ausoniae procerum mitissimus aulae
Nerva; licet toto nunc Helicone frui.
Recta Fides, hilarius Clementia, cauta Potestas
Jam redeunt; longi terga dedere Metus.
Нос populi gentesque tuae, pia Roma, precantur:
Dux tibi sit semper talis, et ist diu.

***** Проект «За Марциалом без билета»

[с.53] Ещё более трудно представляется задача оправдать Марциала от обвинений многих исследователей в цинизме и изображении таких сцен, которые в авторе предполагают совершенное отсутствие стыдливости и крайне испорченное воображение. Сам Марциал сознаётся, что его эпитаграммы не годятся как предмет для чтения людям скромным и стыдливым. В 69 эпитаграмме III книги в обращении к некоему эпитаграмматисту он говорит следующее². «Все эпитаграммы, которые ты пишешь, отличаются целомудренностью выражений, и в твоих стихотворениях нет ничего неприличного, я восторгаюсь и с похвалой утверждаю, что нет ничего святее тебя (одного): у меня же ни одна страница не свободна от вольных выражений. Пусть же мои стишки читают беспутные молодые люди и ветреные девушки, да пожалуй и постарше (именно те узники) из тех, которых мучат любовницы. А твои высоконаравственные и безукоризненные стихи должны читать (благовоспитанные) молодые люди и девицы». О том же в 16-й эпитаграмме XI книги³: «Слишком

² Omnia quod scribis castis epigrammata verbis
Inque tuis nulla est mentula carminibus,
Admiror, laudo, nihil est te sanctius uno:
At mea luxuria pagina nulla vacat.
Haec igitur nequam juvenes facilesque puellae,
Haec senior, sed quem torquet amica, legat, и т.д.

³ Qui gravis es nimium, potes hinc jam, lector, abire
Quo libet: urbanae scripsimus ista togae.
Num mea Lampsacio lascivit pagina versu
Et Tartessiaca concrepat aera manu.
.....
.....
Tu quoque nequitas nostri lususque Libelli
Uda puella legas, sis Patavina licet.
Erubuit posuitque meum Lucretia librum;
Sed coram Bruto; Brute, recede: leget.

***** Электронное издание © Александр Борисович Акимов, Харьков, 2010 *****

[с.54] степенный читатель, можешь отсюда удалиться, куда угодно: писали мы это для городской тоги. Мои ведь стихи преисполнены вольностей и гремят тартессидскими литаврами... И ты, нежная дева, хотя бы была уроженкой Патавии, читай глупости и шутки нашей книжки. Лукреция покраснела и отложила в сторону мою книжку, но только в присутствии Бруга; уйди Бруг – и прочтёт».

Конечно, прежде чем осуждать Марциала за эту страсть к изображению цинических сцен, можно привести некоторые соображения, значительно смягчающие его вину и скорее бросающие тень на деморализованное общество, современное поэту. Во-первых, склонность к неприличному лежала в основании римского характера и от него привилась ко всем теперешним романским народам тем более, что чувственность присуща южному человеку. Далее, если новейшие критики порицают Марциала за то, что он относился без негодования к циническому разврату своих современников, то они упускают из виду, что одно из условий шуточной поэзии (*nugarum*)¹ – устранять всё серьёзное, приличное и не сдерживать себя, так сказать, моральною уздою.

Низар, всегда готовый представлять поэта в наилучшем свете, и тот вынес весьма неприятное впечатление после чтения неприличных эпиграмм Марциала. «Однообразие, говорит он, которое вызвало во мне чтение их, однообразие цинического языка и тошнота, вызываемая этим хладнокровным развратом, возмутительны; эта привычка ради красного слова

¹ Сам Марциал, сознавая легкость своих эпиграмм по содержанию, не иначе называет их как “*lusus, joci, nugae, inertiae*” (напр. 11 эп. VII кн., 12 эп. 2, 26, 7, 51, также VII кн., 3, 2, 11 эп. VIII кн., 17 эп. X, 1 и 13 эп. XI кн.).

[с.55] говорить сальности и этот цинизм тонкого и остроумного наблюдателя, находящего особенное удовольствие отмечать всё, что делается в четырёх стенах в развращённом и тлетворном кружке, невольно отталкивают, а прибавьте ещё глубокое отвращение, которое вам внушает эта мораль, забрасывающая себя большею грязью, нежели те пороки, о которых она трактует». Затем Низар, отказываясь отстаивать Марциала за цинизм многих его эпиграмм, старается только уяснить возможность появления стихотворений подобного характера в эпоху Домициана и, разбирая поэта с современной ему точки зрения, – облегчить бремя его нравственной ответственности пред потомством. Во-первых, мы не в праве, думает он, назвать Марциала безусловно неприличным. Во многих местах эпиграмм он, действительно, с честною откровенностью говорит о своём уважении к приличиям и свободу слога оправдывает чистотой своих побуждений и своей нравственностью. Мы приводим целиком эту замечательную эпиграмму, из которой Лессинг и Низар приводят только одну строчку: «*vita nobis proba, pagina lasciva!*». Если ты, кесарь, случайно увидишь наши стихи, отложи серьёзность повелителя вселенной. Ведь даже ваши триумфы допускают шутки, и полководцу не совестно быть предметом шуток. Читай их в том же настроении, в каком смотришь на Тимелу и на шута Латина, цензура может разрешить невинные шутки: стихи мои вольного содержания, а жизнь честна (и умеренна)». При этом следует заметить, что в своих эпиграммах Марциал не всегда трактует только о смешном и непристойном, иногда он говорит о предметах возвышенных, серьёзных и трогательных; в таких случаях он умеет быть и серьёзным и исполненным достоинства и даже торжественным. Такова, например, эпиграмма на смерть Пор-

[с.56] ции (42 эп. I кн.)¹. «Когда Порция услышала об участи супруга Брута и в горе разыскивала отнятое у неё оружие, разве вы ещё не знаете, говорит, что в смерти нельзя отказывать? – я была убеждена, что отец достаточно вам это доказал. Сказала и жадными устами проглотила раскалённые уголья; ну-ка, несносная толпа, отказывай теперь в железе». Прекрасно, хотя не вполне согласно с исторической истиной. Поэт предоставляет Порции выразить словами то, что она сделала (но не говорила). У Плутарха это рассказано таким образом, что Порция, проглотив раскалённые уголья, крепко закрыла рот и задержкой дыхания причинила себе смерть. Но поэт, рассказывая пример трогательной супружеской любви и героизма в женщине, имел в виду этими речами, вложенными в уста Порции, произвести потрясающее впечатление на читателей. Кроме того приведенная эпиграмма важна в том отношении, что доказывает присутствие в Марциале гражданского мужества – в разгар деспотизма кесарей он отважился восхвалять героично республиканского Рима.

Но что же побуждало Марциала так охотно и часто прибегать к неприличным сюжетам? – очевидно, что в этом случае он руководствовался не собственным вкусом, а вкусом читающей публики. В 35 эпиграмме первой книги он высказывает следующую мысль своему приятелю Корнелию: «Ты

¹ Conjugis audisset fatum cum Porcia Bruti,
Et subtracta sibi quaereret arma dolor:
«Nondum scitis», ait, «mortem non posse negari»
Credideram, fatis hoc vos docuisse patrem».
Dixit et ardentes avido bibit ore favillas:
I nunc ferrum, turba molesta, nega.

***** Проект «За Марциалом без билета»

[с.57] жалуешься, Корнелий², что я пишу слишком распущенные стихи и не такие, которые стал бы читать наставник в школе; но существует следующий закон для шуточных стихотворений: они не могут нравиться, если они не чувственны. Поэтому, отложивши суровость (снизойди на нашу просьбу), пожалуйста, отнесись снисходительно к шуткам и забавам моих стихотворений». Во всяком случае мы можем смело утверждать вместе с Низаром, что Марциал по уровню нравственного развития был сын своего времени, и если не возвышался над своими современниками, то отнюдь не стоял ниже их. Иначе чем объяснить, что он был один из наиболее читаемых поэтов; из чего прямо следует, что те скабрёзные выражения, которые мы в таком изобилии находим в эпиграммах Марциала, нисколько не оскорбляли слуха современников, и в этом отношении Рим эпохи Домициана представлял весьма грустное

² Versus scribere me parum severos
Nec quos praelegat in schola magister,
Corneli, quereris: sed hi libelli,
Tamquam conjugibus suis mariti,
Non possunt sine mentula placere.
Quid si me jubeas talassionem
Verbis dicere non talassionis?
Quis Floralis vestit et stolatum
Permittit meretricibus pudorem?
Lex haec carminibus data est iososis,
Ne possint, nisi prurient, iuvare.
Quare deposita severitate
Parcas lusibus et iocis rogamus,
Nec castrare velis meos libellos.
Gallo turpius est nihil Priapo.

***** Электронное издание © Александр Борисович Акимов, Харьков, 2010 *****

[с.58] зрелище: можно ли верить, в самом деле, в существование приличий в таком городе, каким был в то время Рим. Но и при тогдашнем состоянии общества трудно допустить и поверить, чтобы эпиграммы Марциала читались наперерыв всеми, если бы он казался обществу, по крайней мере в лице лучших его представителей того времени, настолько скабрёзным.

В виду подобных соображений, Низар приходит к заключению, что, если не считать какой-нибудь полдюжины резких выражений, безусловно неуместных ни в каком обществе, большая часть эпиграмм, воспроизводящих пороки того времени, нисколько не поражали цинизмом читателей того времени. То, что нам представляется сальностью, с точки зрения того времени было ни более, ни менее как шутка, так как в том обществе, где разврат есть явление обыкновенное, скабрёзности суть не что иное, как картины нравов. Таким образом оправдывать в этом случае Марциала, по мнению Низара, значит обвинять современное ему общество. В интересах Марциала было привлечь заманчивым содержанием возможно большее число читателей, а этого он ни чем иным не мог достигнуть, как передачей городских скандалов, касающихся по преимуществу лиц высшего круга, или, другими словами, вести своего рода «*chronique scandaleuse*». Таким образом он передаёт слухи и известия о развратнейших мужчинах и женщинах своего времени, и их наиболее пикантные похождения: это были живые типы, выхваченные из действительной жизни. Марциал тщательно собрал возможно большее количество подобных сплетен, сообразуясь со вкусом своих деморализованных современников, затем сам придумывал скандальные похождения в духе своего времени и нередко выставлял самого

[с.59] себя героем небывалых эротических походов. Не церемонясь выставлять эти пороки во всей их наготе, Марциал, впрочем, иногда принимает на себя роль цензора, обнаруживая иногда даже негодование, достойное сатирика; жаль только, что это негодование настолько слабо, что в большинстве случаев переходит в шутку и индифферентизм, так что в конце концов оказывается у него слишком много терпимости для сатирика. Пожалуй, можно прийти к заключению, что он почти признателен чудовищным порокам своего времени, так – как они дали ему возможность написать столько пикантных и скабрёзных эпиграмм, доставивших истинное удовольствие его читателям. Низар вполне согласен с тем, что мы теперь вправе возмущаться подобным индифферентизмом; но при этом должны брать во внимание, что римские нравы эпохи Марциала достигли такой степени испорченности, что колоссальные пороки, давшие бытие желчной сатире Ювенала, были присущи почти всем римлянам и, как все заурядное и смешное, представляли самый пригодный материал для эпиграммы. В виду этого, продолжает Низар, мы от Марциала могли бы только требовать, чтобы он, живя в обществе глубоко погруженном в разврат, не относился сочувственно к этому разврату; смех же его доказывает, что он относился сатирически к подобному состоянию общества. Такой способ заключать, по нашему мнению, напоминает софизм. Мы же позволяем себе думать, что такое легкое отношение к порокам деморализованного общества непозволительно в писателе, так как он должен быть руководителем общества и проводником лучшего порядка вещей. Ювенал жил в одно время с Марциалом, а между тем не мирился с нравственным разложением современного ему общества; негодование и горечь, которым пропитаны его сатиры,

[с.60] составляют лучшую его рекомендацию как человека. Весёлое же и снисходительное отношение к чудовищному разврату этого времени и ряд крайне скабрёзных картин кладут неизгладимое клеймо нравственного ослабления на Марциала: видеть подобные пороки и иметь дух шутить по поводу их, значит, самому не быть чуждым этих пороков. Таково наше мнение. Правда, эти же самые эпиграммы (скабрёзного содержания) в культурном отношении представляют много интересного материала для знакомства с утончённым развратом домициановской эпохи; но они, повторяем, компрометируют их автора.

Остаётся ещё решить вопрос, действительно ли Марциал был героем многих скабрёзных эпиграмм, так как он говорит в них в первом лице, или же здесь нужно разуть лицо, вымышленное самим поэтом? Искусным защитником Марциала в вопросе, столь щекотливом для его репутации, является *Лессинг*. По его мнению, ложно то положение, что всё, что говорит эпиграмматист в первом лице, относится к его собственной личности. Сжатость и законченность, составляющие необходимые условия эпиграммы, побуждают его нередко говорить в первом лице в тех случаях, где он является вовсе не участвовавшим лицом, а только лишь заинтересованным. Лучшее подтверждение этого представляет пятая эпиграмма первой книги:

«Do tibi naumachiam, tu das epigrammata nobis.

Vis, puto, cum libro, Marce, natare tuo».

Кто же здесь первое лицо? Поэт? Нисколько. Поэт скорее тот, с которым первое лицо разговаривает. Здесь Марциал вводит говорящим Домициана, не делая на это ни малейшего намёка ни в самом стихотворении, ни в его заглавии. И как он поступил в приведенной эпиграмме, так точно он мог поступить во многих других случаях.

[с.61] Почему в самом деле, задаётся вопросом Лессинг, нельзя допустить, что во многих эпиграммах лицо говорящее есть не Марциал, а его друг или знакомый? Затем Лессинг вполне основательно утверждает, что Марциал не всегда сам избирал сюжеты для своих эпиграмм и нередко просил других давать ему темы для эпиграмм: в одной эпиграмме он жалуется на некоего Цецилиана за то, что тот предлагал ему темы, совершенно не соответствующие характеру и духу эпиграммы¹. «Требуя живых эпиграмм, предлагаешь мёртвые темы. Что из этого может выйти, Цецилиан? Ты хочешь гиблейского или гиметского мёду, а предлагаешь кекропидской пчеле корсиканскую траву». Не понятно ли после этого, что если подобный Цецилиан просил эпиграммы на ту или другую тему, не должен ли был поэт писать совершенно в его духе? Мало этого, – говорить от его лица, т. е. стать на место того, для которого писал эпиграммы. Принимая во внимание эти доводы, мы считаем себя в праве заодно с Лессингом верить, что Марциал был чужд многих из тех пороков, которые он приписывает себе, говоря в первом лице.

[Конец Главы Второй]

¹ 42 эп. XI кн.: Vivida cum poscas epigrammata, mortua ponis
Lemmata. Quid fieri, Caeciliane, potest?
Mella jubes Hyblaea tibi vel Hymettia nasci,
Et thyma Cecropiae Corsica ponis api?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Отношения Марциала к литературным знаменитостям его эпохи. Марциал и Стаций – поэты-соперники. Причина из враждебных отношений. Отношения Марциала к Плинию Младшему, Ювеналу и Силию Италику.

—

Оценка Марциала как человека и как литературного деятеля, как мы выше имели случай убедиться, представляет многие трудности, которые отчасти устраняются, если присмотримся, с какими лицами поэт находился в наиболее близких отношениях и какие явления современного Рима представляли наиболее пригодный материал для его эпиграмм.

Марциал в своих эпиграммах восхваляет весьма многих сильных мира, которые оказывали ему покровительство при дворе, находясь в близких отношениях с самим кесарем. Видное место между этими меценатами поэта-пришельца занимает *Парфений*. 49-я эпиграмма IX книги посвящена, например, тоге, подаренной этим Парфением Марциалу¹. «Эта

¹ Haec est illa meis multum cantata libellis,
Quam meus edidicit lector amatque togam.
Partheniana fuit quondam, memorabile vatis
Munus: in hac ibam conspiciendus eques,
Dum nova, dum nitida fulgebat splendida lana
Dumque erat auctoris nomine digna sui;

[с.63] тога, воспетая мною во многих стихотворениях, тога, которую изучил и любит мой читатель. Была она когда-то парфениевой, достопамятный подарок поэта; в ней я прогуливался как видный всадник, пока она блистала новою и лоснящеюся шерстью и пока она была достойна имени даровавшего её. Теперь она уже ветхая и едва-ли её наденет простой смертный, дрожащий (от холода), и её не без основания можешь назвать белоснежной; отчего ни долгий день, ни годы не уничтожают её? Эта тога уже не парфениева, она моя». В других эпиграммах, посвящённых Парфению, Марциал просит у него, чтобы он преподнес Домициану его эпиграммы. Так, в шестой эпиграмме пятой книги он между прочим говорит следующее²: «Допусти эту необъёмистую и застенчивую хартию к порогу священного чертога. Ты знаешь моменты, когда Юпитер бывает ясен, когда он сияет кротким и ему одному свойственным выражением лица, при котором он ни в чем не отказывает просящим. Тебе нет основания бояться, что эти просьбы несправедливы: ничего громкого и обременительного не потребует хорошо полированная и изукрашенная страничка, да и не всовывай её, а держи её при себе, как будто ничего не преподнесёшь. Если я угадываю повелителя девяти муз, он сам по себе попросит книгу (по собственному побуждению)». В 11 эпиграмме XII книги он обращается к Парфению с подобною же просьбой³. «Муза, передай

² Admittas timidam brevemque chartam
Intra limina sanctioris aevi.
Nosti tempora ti Jovis sereni,
Cum fulget placido suoque voltu,
Quo nil supplicibus solet negare.

³ Parthenio dic, Musa, tuo nostroque salutem;
Nam quis ab Aonio largius amne bibit?
Cujus Pympleo lyra clarior exit ab antro?
Quem plus Pierio de grege Phoebus amat?

[с.64] приветствие твоему и нашему Парфению. Ибо кто же щедрее пил от аонийского источника и чья более славная лира исходит из пимплейской пещеры? Кого более любит Феб из пиерийского стада? И если случайно, но на это едва ли можно надеяться, у тебя будет досуг, попроси, чтобы он вручил повелителю наши стихотворения. Пусть он отрекомендует в четырёх словах скромную и необъёмистую книжку: эту читает твой Рим».

В таких-же отношениях находился Марциал и к некоему *Криспину*, к которому он обращается в 99 эпиграмме VII книги с следующими словами: «Криспин, ты видишь всегда милостивым Громовержца и тебя чествует Рим столько-же, сколько и твой (родной) Мемфис: если наши стихи будут читаться во дворце (так как они доходят до священного слуха кесаря), то, как снисходительный читатель, рискни о нас замолвить словечко: «может, мол, он тебя иногда позабавит и по дарованию не слишком уступает Марсу и учёному Катутллу: довольно этого; остальное представляю самому богу»¹.

Никто не станет оспаривать того положения, что литературная деятельность всякого писателя находится в тесной

[с.65] связи с жизнью современного ему общества. Будучи продуктом своей эпохи, он носит на себе её отпечаток и подвергается влиянию кружков и литературных партий своего времени: господствующее настроение умов, политические партии, религия, общественное мнение, — все это прямо или косвенно влияет на содержание литературных произведений того или другого писателя. Исходя из этого положения при оценке Марциала, как литератора и как человека, мы должны припомнить — какие виды литературных произведений разрабатывались современными ему писателями и какие писатели были представителями литературной деятельности, каковы были вкусы, требования и идеалы читающей публики. Разумеется, мы всего этого коснуться должны настолько, насколько это необходимо для нашей цели, не вдаваясь в подробности и не уклоняясь от той задачи, которую мы преследуем. Литературная деятельность Марциала захватывает большую часть правления Домициана и относится, таким образом, к серебряному веку римской литературы. Все те роды литературных произведений. Которые процветали в республиканский период, волей-неволей должны были прийти в упадок вследствие неблагоприятных политических условий: здесь мы подразумеваем ораторское искусство и историю; судебное и политическое красноречие не могли развиваться нормальным путём, как это было в век республики, и выродились в школьные декламации и надутые панегирики. Является учёный и даровитый теоретик ораторского искусства — Квинтилиан, вставивший красноречие в тесные рамки. Безпристрастные историки, наученные горьким опытом, не смели проронить свободного слова и молчали в ожидании лучших времён. Простор оставался только для стихослагателей, разрабатывавших мифологические сюжеты, не вызывавшие никакого

¹ Sic placidum videas semper, Crispine, Tonantem,
Nec te Roma minus, quam tua Memphis amet:
Carmina Parrhasia si nostra legentur in aula,
— Namque solent sacra Caesaris aure frui —
Dicere de nobis, ut lector candidus, aude:
«Temporibus praestat non nihil iste tuis,
Nec Marso nimium minor est doctoque Catullo».

**** Проект «За Марциалом без билета»

[с.66] подозрения со стороны деспота, и вот является масса эпических поэтов, не возвышающихся над посредственностью, которых беспощадно осмеял Ювенал в первой сатире. Более выдающиеся по дарованию между ними – Силий Италик, Валерий Флакк, Папиний Стаций – обнаруживают в своих объёмистых поэмах громадную эрудицию, в смысле основательного знания мифологии; поэты лирические также увлекаются подражанием учёным александрийским поэтам: неудачно подражали Катуллу и Каллимаху и писали вовсе не по призванию, а следуя моде. Из всех видов поэзии одна сатира черпала из живого источника, и вместе с ней её младшая сестра – эпиграмма. Публичная и частная жизнь домициановского Рима представляла самый обильный материал для сатиры вообще и для эпиграммы в частности. Как сатирик, так и эпиграмматист черпают из одного и того же источника; разница в мирозерцании и в субъективном отношении к описываемым предметам: сатирик скорбит, негодует и бичует, эпиграмматист шутит и смеётся; сатирик преследует задачи моралиста, эпиграмматист же только имеет в виду вызвать смех в читателе, а не негодование. Таким образом если сатиры Ювенала обнаруживают в авторе мирозерцание в высшей степени мрачное, отрицание всего возвышенного и честного без надежды на улучшение в будущем, то эпиграммы Марциала суть не что иное как целая серия карикатурных эскизов, причём со стороны автора не замечается никакого ожесточения и серьёзного отношения к порокам современного ему общества. Оправдывает ли это Марциала как человека и литератора, мы высказали наше мнение в главе, в которой обсуждали вопрос о циническом элементе в эпиграммах Марциала. Понятно, что при том терроризме и системе доносов, которые характеризуют

[с.67] эпоху Домициана, процветание такого рода литературных произведений, как сатира, было невозможно в виду полнейшей невозможности свободно обнаружить негодование; эпиграмма же, в виду легкого отношения к осмеиваемым предметам, могла развиваться беспрепятственно и захватывала всю кипучую жизнь современного Рима, разнообразясь до бесконечности в своём содержании.

Из всего вышесказанного мы вправе заключить, во-первых, что в эпоху Марциала поэзия бесспорно преобладала над прозой вследствие бессодержательности политической жизни и что она должна была обрабатывать сюжеты мифологические. Несмотря на отсутствие крупных поэтических талантов, интерес к поэзии и изданию в свете стихотворений был весьма велик, что явствует из необыкновенного обилия стихослагателей и страсти к публичным чтениям¹. В среде этих более или менее даровитых служителей муз существовала тесная дружба и единство за немногими, впрочем, исключениями. Живое доказательство этому представляет сам Марциал, находившийся в тесной дружбе со всеми мало-мальски известными литераторами своего времени: Ювенал, Плиний Младший, В. Флакк, Силий Италик, Квинтилиан, затем Турн, Сульпиция,

¹ Замечательно, что некоторые из этих поэтов писали вместе и на латинском и на греческом языках. Сам Плиний Младший, знаменитый оратор и эпистограф, в часы досуга пробовал свои силы в поэзии: «называются они шутками, говорит он (VII, 9), но эти шутки доставляют иногда не меньше славы чем серьёзные опыты». Потомство, конечно, не много потеряло, что большинство из этих опытов погибло безвозвратно. В такую грустную эпоху, когда ни одна светлая идея не возвышалась человечеством над грустной действительностью, поэтическое творчество не могло найти ни одного достойного представителя. Богато-наделённым натурам оставалось в удел одно остроумие, а благородным сердцам горечь и негодование вследствие глубокой нравственной порчи.

[с.68] Аррунций Стелла, – все они находились в более или менее дружественных отношениях с Марциалом (как мы ниже увидим). Исключение в этом отношении представляют историк Тацит и поэт Стаций; последнее тем более поразительно, что оба поэта были не только современниками, но и вращались в одних и тех-же кружках и даже пробовали свои силы на одне и те же темы. Исследователи Марциала усердно доискивались причин подобных враждебных отношений между братьями по ремеслу, и большинство пришло к заключению, что Марциал и Стаций завидовали один другому и старались заслонить друг друга перед Домицианом. Стаций и Марциал оба пользовались расположением кесаря, оба получали подарки от двора, и как Стаций, будучи импровизатором, мог в одно утро настрочить целый панегирик, то очень может быть, что Марциал, которого труд был не легок и который подвергал тщательной отделке свои эпиграммы, подобно тому как Виргилий свои георгики, видя, что конкурент не редко обгоняет, мог питать против него недовольство автора, которое легко могло перейти в ненависть. В самом деле, стоит только представить себе двух поэтов, на-перегонку занимающихся стихотворством для государя, который не любил литературы и не оказывал в-сущности предпочтения ни тому, ни другому и который, по всему вероятно, благосклоннее принимал циническую остроту Марциала, нежели длинные мифологические бредни Стация, стоит, повторяем, представить себе подобную конкуренцию между двумя поэтами с умом и талантом, эти недостойные усилия польстить удачнее и за какую-же цену? Чтобы собрать крохи со стола владыки и чтобы иметь честь раз или другой посидеть за этим столом или чтобы перепало на их долю что-нибудь из почестей и подарков, которые

[с.69] кесарь расточал на сатурналиях в день своего рождения, или несколько почетных титулов, которые делали ещё ощутительнее их бедность, вынуждая её принимать известную личину. При том кесарь был скуп и предпочитал тратить свою казну на построение храмов Юпитеру или сооружение статуй своей племяннице, нежели искупить несправедливость судьбы по отношению к двум бедным поэтам, как Марциал и Стаций. Низар в данном случае сравнивает Марциала и Стация с двумя нищими, которые косятся друг на друга и перебраниваются, завидя прохожего, к которому они в одно и то-же время протягивают руки за подаванием. И если подобное соревнование унижает поэтов, убивая их нравственное достоинство, то, с другой стороны, не в меньшей степени вызывает к ним участие как к людям, которых крайность вынудила жить подачками тирана и вести недостойную и унижительную борьбу. Понятно, что находясь в подобном соревновании, они должны были изощрять свои дарования на одне и те-же сюжеты. Для того, чтобы дать себе определённое понятие о самом процессе этой конкуренции, необходимо иметь несколько образчиков подобного конкурса между двумя поэтами-льстецами, преследующими одну и ту-же цель, чтобы их курение фимиама принесло желанные результаты, причём они соперничают не из-за лаврового венка, но из-за одобрения невежественного государя или из-за права иметь прибор за столом знатного патрона.

Первый сюжет – это волосы евнуха Эарина, фаворита Домициана, который приказывает ему обстричь свои прекрасные волосы в благодарность за благодеяния, полученные им, с тем чтобы посвятить их Эскулапу вместе с зеркалом, находившимся на его туалете; сюжет, как видим, удачный

[с.70] и под-силу талантам того и другого поэта. Марциал написал шесть эпиграмм, посвящённых описанию наружности Эарина и его волос¹. «Имя, возникшее с фиалками и розами, говорит он, и которым называют самое лучшее время года, имя, которое напоминает Гиблу и цветы Аттики и имеющее аромат (отзывается, или пахнет) гнезда великолепного феникса (alitis), имя более приятное нежели сладчайший нектар (nectare beato), имя, которое охотно приняли бы Атис и прекрасный ребёнок, разливающий вино у Юпитера, имя, которому вторят купидоны и амурсы, если произнесешь его в парразиевом чертоге, имя благородное, нежное, деликатное, о котором я хотел бы говорить в звучных стихах, но ты, упрямый слог, отказываешься подчиниться размеру». Немного далее Марциал, возвращаясь к этому имени, призывает на-выручку другие мифологические сравнения и продолжает: «ты (Эарин) носишь имя прелестного времени года, когда кекропейские пчёлы собирают мед с весенних цветов, имя, которое стоит изобразить с стрелой купидона или с булавкой Венеры, имя, которое журавли, запечатлев на своих крыльях, занесли бы на небеса».

Наговоривши столько лестных и в то-же время учёных вещей по поводу одного имени Эарина, наш поэт переходит к волосам, посвящённым Эскулапу, и обращается с воззванием

¹ 11 эп. IX кн.: Nomen com violis rosisque natum,
Quo pars optima nominator anni,
Hyblam quod sapit Atticosque flores,
Quod nidos olet alitis superbae;
Nomen nectare dulcius beato,
Quo mallet Cybeles puer vocari
Et qui pocula temperat Tonanti:

***** Проект «За Марциалом без билета»

[с.71] к этому богу²: «Достопочтенный внук Латоны, мягкими травами замедляющий работу парок, тебе как господину этот отрок (Эарин) из Рима шлёт прославленные волосы, как обет. К освящённым волосам он присоединяет зеркало, которое удачно воспроизводит его счастливую и прекрасную наружность. Сохрани ему юношескую красоту и чтобы при коротких волосах он был так-же прекрасен, как и при длинных». Есть ещё одна эпиграмма, в которой Марциал заставляет Юпитера вступить в беседу с Ганимедом по поводу Эарина и других рабов Домициана. Этот разговор сводится к следующему: Ганимед испрашивает у Юпитера позволение предложить ему свои волосы по примеру Эарина, на что Юпитер пресерьёзно отвечает: «Я не могу исполнить твоей просьбы: ведь наш кесарь при своём дворе имеет тысячу слуг на тебя похожих, а если ты, лишившись волос, примешь образ человеческий, кого я найду другого, который станет мне наливать нектар». Аллегии нелепые, но вполне соответствующие скудному и неблагодарному сюжету, которые взялся разрабатывать поэт. *Стаций* оказывается гораздо более изобретательным, разрабатывая ту-же самую тему. Для него чем скуднее аргумент, тем более простора для его болтливости, его репутация как поэта и зиждется на умении извлечь кое-что из ничего. Для поэта, который не задумывается сфабриковать сотни стихов, описывая дерево или баню, или сетуя по поводу слёз своего влиятельного друга, волосы

² 17 эп. IX книги: Latonae venerande nepos, qui mitibus herbis
Parcarum exoras pansa brevesque colos,
Hos tibi laudatos domino, rata vota, capillos
Ille tuus Latia misit ab urbe puer;
Addidit et nitidum sacratis crinibus orbem

***** Электронное издание © Александр Борисович Акимов, Харьков, 2010 *****

[с.72] евнуха, государева любимца, представляют сюжет вполне достойный эпопеи. И действительно, стихотворения Стация, в которых он воспевает волоса Эарина, по объёму и торжественности настоящие поэмы. Такова четвёртая *силва* третьей книги. Пьеса эта исполнена грации и остроумия; не отличаясь, разумеется, богатством мыслей, она отличается за-то изящной формой и художественными поэтическими образами (при необыкновенно звучных стихах), одним словом – блестящая импровизация. Пьеса начинается обращением к волосам, которые переплывают моря, будучи искусно заперты в золотой ящик. Поэт гарантирует ему благоволение Венеры и безмолвие ветров. «Быть может, говорит он, богиня похитит тебя из корабля, который мчит тебя к берегам Трои, и поместит в божественной раковине». После этого первого обращения, поэт взывает к Эскулапу, прося его принять волосы царского любимца и показать их Аполлону, к волосам которого никогда не прикасались ножницы; наконец поэт обращается к Пергаму, произведшему на свет красавца Эарина и подарившему его Риму. Вслед за этим введением Стаций начинает свой рассказ¹. «Венера спустилась с вершины Эрикса, и отправилась проведать священные леса Идалии на колеснице, везомой нежными лебедями. Говорят, что остановившись

¹ Dicitur Idalios Erycis de vertice lucos
Dum petit, et molles agitat Venus aurea cyenos
Pergameas intrasse domos, ubi maximus aegris
Auxiliator adest, et festinantia sistens
Fata salutifero mitis dues incubat angui
Hic puerum egregiae praeclarum sidere formae
Ipsius ante Dei ludentem conspicit aram,
Ad primum, subita paulum decepta figura
Natorum de plebe putat: sed non erat illi
Arcus, et ex humeris nullae fulgentibus umbrae.

***** Проект «За Марциалом без билета»

[с.73] в Пергаме, она вошла в храм, где пребывает бог, врачующий болезни и облегчающий для людей иго неумолимого рока, благодетельный бог, которого жертвенник опирается на змею, символ здоровья. Там Венера заметила дитя небесной красоты, которое игралось у подножия алтаря. Сперва обманутая прелестной внешностью, она вообразила, что это один из купидонов её свиты, но у него не доставало колчана и крылья не осеняли его прекрасных плеч. Венера любит этим ребёнком, его изящным лицом; её не хочется, чтобы он отправлялся в Италию служить простому хозяину под крестьянскою кровлей. Она предлагает ему сесть в колесницу и перенести его воздушным путём во дворец кесаря. Там по-крайней-мере, вместо того чтобы подчиниться прихотям грубого плебея, он будет предметом утех повелителя мира; эти просьбы она сопровождает ласкательными выражениями. «Эарин прекраснее, нежели Атис и Эндимион, и способнее Нарцисса внушить безнадежную страсть. Наяды охотно покинули бы Гиллу ради него; Эарин прекраснее всех купидонов вместе взятых; он уступает по красоте только тому, кому Венера его предназначает: «*Jupiter ante omnes solus formosior cui dabitur*». Эарин поместился на колеснице богини и легкие лебеди увлекают его по воздуху. Они приезжают в Рим. Венера сама готовит туалет для своего фаворита; она колеблется в выборе между различными формами, которые сообщить его волосам, выбирает драгоценные камни для украшения его пальцев и ожерелье, которое должно придать блеск белизне его белоснежной шеи, сама увязывает волосы Эарина и сообщает лучи божественной красоты. Наконец, Эарин появляется во дворце кесаря; при виде его исчезают прежние фавориты. Он становится Ганимедом марциалова Юпитера.

[с.74] За-тем Стаций по этому поводу говорит ¹ : «Прелестное дитя, избранное для вкушения нектара, предназначенного для богов, ты, который столько раз прикасаешься к державной руке, то что считали бы для себя великою честью арменец, индус или перс, – под каким счастливым светилом ты родился и какими милостями наделили тебя небеса? Однажды бог твоей отчизны, опасаясь, что первый пушок, пробиваясь на твоих щеках, испортит твою красоту, покинул Пергам, переправился через моря и, никому не желая вверить заботу перемены твоего положения, лишил тебя твоего пола, не причинив тебе ни раны, ни боли». В этой же силъве, несколько ниже, Стаций замечает, что, появивсь Эарин позже на свет божий, он мог бы разом предложить Эскулапу и бороду и волосы. Одни волосы отправятся в Пергам, которые Венера пропитала благоуханиями и которые давным-давно расчесали три грации. Эти волосы, походившие тотчас на волосы Бахуса, превосходят красотой золотые волосы Низа, и те волосы, которые Ахиллес посвятил стремительному Сперхею. Стаций не прошел молчанием ни одни мифологические волосы и в этом случае обнаруживает изумительное знание всех бесчисленных

¹ Care puer, Superis qui praelibare verendum,
Nectar, et ingentem toties contingere dextram
Electus, quam nosse Getae, quam tangere Persae,
Armenique Indique petunt. O sidere dextro
Edite, multa tibi divum indulgentia favit!
Olim etiam, ne prima genas lanugo nitentes
Spargeret, et pulchrae fuscaret gratia formae,
Ipse dues patriae, celsam trans aequora liquit
Pergamon haud ulli puerum mollire, potestas
Credita; sed tacita juvenis Phoebejus arte
Leniter, haud ullo concussum vulnere corpus
De sexu transire jubet.

[с.75] мифов, что в те времена считалось первым признаком обширной учености. Продолжаем перифразировать Стация. Когда решено освободить плечи Эарина от их лучшего украшения, посланница купидонов является для срезывания волос и помещает их в ящике, оправленном в драгоценные камни. Венера подхватила волоса в момент их падения и вторично умастила их благоуханиями. Когда эта операция кончилась, один из амуров, державших зеркало, сияющее от брильянтов, просит мать отослать и зеркало к Эскулапу, при этом просит устремить на него свой взор, чтобы зеркало сохранило отпечаток его черт; Венера соглашается; силъва оканчивается просьбой Эарина, обращенною к Эскулапу, даровать здоровье и благоденствие Домициану. Стаций сообщает этому желанию всю энергию и преувеличенность своей личной привязанности к хозяину Эарина. Если что заслуживает одобрения в этой силъве, так это только мастерское изложение и богатство мифологического материала.

Нельзя также не видеть как в Стации, так и в Марциале при обработке подобных сюжетов сильного желания рабски придерживаться приёмов писателей века Августа, чего, впрочем они и не желают скрывать. Марциал, например, открыто себя признаёт поэтом, поклоняющимся великим образцам, ему предшествовавшим, и полагает свою славу в том, чтобы хоть издали им подражать. У него нет нелепой претензии обогащать язык архаизмами (так сказать, впускать в него свежую струю), ни пускать в ход выражения, которые уже обветшали, претензии очень свойственной тем поэтам, которые, не будучи в состоянии что-нибудь прибавить к наличным богатствам языка, то навязывают ему иностранные обороты, то выкапывают мертвые формы, что было в сильной

[с.76] моде в эпоху нашего эпиграмматиста. Марциал также не разделяет убеждения, чтобы замысловатость и архаизмы придавали самобытность и оригинальность стилю; он, например, прямо смеётся над Секстом, который предпочитал Цинну Виргилию, потому только что Цинна был замысловат и мало известен и потому что посредственные поэты приняли за правило обнаруживать благоговение к авторам, которых не читают.

Другая тема, на которую конкурировали наши придворные поэты, – история бронзовой статуи, представляющей Геркулеса и имена различных владельцев этой статуи. Этому сюжету Марциал посвятил два стихотворения, Стаций – одно. Вот что говорит Марциал ¹ «Этот великий бог, помещающийся в небольшом слитке меди и сидящий на утесе, покрытом львиною шкурой, смотрит он на светила, которые сам бы нес (на своих плечах), бог, которого левая рука вооружена палицей, а в правой чаша с вином. Не ново это произведение и не составляет гордости наших мест (Рима), ты видишь пред собой славное произведение и приношение Лизиппа. Эта статуя находилась на столе властителя Пеллы, который, скоро покоривши вселенную, скончался; пред ним у жертвенников ливийских произносил свою клятву Ганнибал и он-же принудил свирепого Суллу отказаться от власти. Смущённый страхом к непостоянному двору, предпочёл поселиться в доме частного человека, и как прежде он когда-то разделял трапезу кроткого Молоха, так захотел быть богом учёного Виндекса».

¹ 43 эп. IX кн.: Нис qui dura sedens porrecto saxo leone
Mitigat exiguo magnus in aere dues,
Quaeque tulit, apectat resupino sidera voltu.
Cuius laeva calet robore, dextra mero:
Non est fama recens nec nostri gloria coeli;
Nobile Lysippi munus opusque vides.

[с.77] Писса Стация на ту-же тему состоит из шести стихов: «Я недавно спрашивал у Геркулеса (статуи), принадлежащего Виндексу, какой даровитый ваятель его сделал? Бог улыбнулся (это его обыкновение) и, кивнув мне слегка головой, сказал: поэт, разве ты незнаешь греческого языка? Надпись, которая начертана на пьедестале, указывает на его имя, – читаю: ΛΥΣΙΠΠΟΥ, а полагал, что это был Фидий».

Приведенные отрывки из того и другого поэта представляют достаточно данных, чтобы сделать заключение о причине неприязненных отношений между Стацием и Марциалом, – предпочтение, оказываемое одному, непременно должно было вызывать зависть в другом. Марциал же, на-сколько можно судить по его эпиграммам, был характера очень общительного и скорее был склонен к дружбе, нежели вражде. В его эпиграммах есть косвенные намёки на недружелюбное отношение к Стацию (помимо приведенных соображений), именно – в тех случаях, когда Марциал язвит авторов объёмистых поэм, к которым несомненно принадлежит Стаций с своей Ахиллеидой и Фиваидой. Так, в 50 эп. IX кн. В обращении к некоему Гавру он говорит ² : «Гавр, ты доказываешь, что у меня талант настолько ничтожен, что я пишу стихотворения, которые нравятся сжатостью. Я согласен; но неужели ты потому только великий человек, что в 12 песнях воспевашь громкие битвы Приама». Таких язвительных намёков на Стация можно найти очень много в разных книгах эпиграмм.

² Ingenium mihi, Gaure, probes si esse pusillum,
Carmina quod faciam, quae brevitate placent.
Confiteor; sed tu bis senis grandia libris
Qui scribes Priami proelia, magnus homo es.

[с.78]

Из других литературных знаменитостей, живших одновременно с Марциалом, *Плиний Младший* и *Ювенал* находились с ним, по-видимому, в очень дружественных отношениях, и это нам служит лучшим ручательством того, как высоко ставили Марциала его современники. Плиний Младший, как известно, снабдил его деньгами, когда он собирался возвращаться на родину. Об этом Плиний рассказывает следующим образом¹: «Я слышал, что Марциал скончался и горюю; он был человек с дарованием, остроумный и исполненный соли в своих стихотворениях, обнаружил много остроумия, но столько-же и мягкости. Когда он отправлялся из Рима, я дал ему денег на дорогу – дал это в знак дружбы и за стихи, которые он сочинил в мою честь». И действительно, Марциал посвятил Плинию 19 эпиграмму X кн., в которой характеризует его как учёного и слишком серьёзного человека. Гораздо ближе к нашему поэту, как полагают, был сатирик Ювенал. Есть эпиграммы, из которых явствует, что Марциал и Ювенал были друзья. Дружба эта должна была быть очень тесна, если верить Марциалу, называющему сатирика не иначе, как «мой Ювенал». Эпиграмма, особенно наглядно рисующая дружбу двух писателей, озаглавлена: «К сплетнику». «Ты усиливаешься поспорить меня с моим Ювеналом и чего только ты ни решишься сказать, коварный язык. Твои сплетни сделали бы Пилада ненавистным Оресту и Пиритоя врагом Тезею»... Не к чему перифразировать эпиграмму до конца, так-как самый конец скабрёзный.

¹ *Plinius*, Epist. III, 21, 1: Audio Valerium Martialem decessisse et moleste fero. Erat homo ingeniosus, acer, et qui plurimum in scribendo et salis haberet et fellis nec candoris minus. Prosecutus eram viatico secedentem: dederam hoc amicitiae, dederam etiam versiculis, quos de me composuit.

[с.79] Уже на основании приведенного отрывка можно было бы допустить, что между двумя поэтами существовала короткость, что сближение это было весьма приятно для них обоих и, сверх того, что были люди, всячески усилившиеся расстроить эту дружбу. Что касается до нас, то нам представляется непонятным, что могло сблизить этих людей с характерами, диаметрально противоположными: на-сколько был весел, беззаботен и шутлив Марциал, на-столько жёлчен, суров и мрачен Ювенал. Странно и то, что Ювенал ни разу не упоминает о своём друге, чему, впрочем, не приписывает никакого значения Низар на том основании, что Ювенал, за двумя или тремя исключениями, ни разу не называет живых.

В другой эпиграмме, посвящённой также Ювеналу, повествуется о присылке орехов из деревеньки в виде подарка на праздник сатурналий: «De nostro, facunde tibi Juvenalis agello Saturnalicias mittimus ecce nuces». Наконец, ещё в одной эпиграмме большего объёма и очень художественной Марциал, уединившись в Бильбилис, сообщает своему другу об удовольствии, которое он испытывает, отдыхая от 30-летних трудов в длинном и не всегда целомудренном сне. Днём он меняет тогу на деревенскую одежду более короткую и более лёгкую, или, сытно пообедав, греется зимой у комелька....

Мнение о существовании дружбы между Марциалом и Ювеналом принято всеми исследователями; но, не смотря на это, мы позволяем себе задаться вопросом – имеем ли мы достаточное основание признать того Ювенала, о котором Марциал упоминает в приведенных эпиграммах, за сатирического поэта Ювенала? Не в-праве ли мы думать, что это был человек,

[с.80] носивший только одинаковое имя с знаменитым сатириком, тем более, что означенные эпиграммы совсем не выясняют, какова была профессия этого Ювенала, и хотя эпитет «*facunde*» указывает на то, что и этот Ювенал не чужд был риторического образования, но во всяком случае не доказывает, что это было лицо тождественное с сатириком Ювеналом. Скорее в защиту их дружбы говорило бы то соображение, что Марциал вообще находился в дружественных отношениях с большинством литераторов его эпохи и что, следовательно, легко мог быть в дружественных отношениях и с сатириком. С этим вопросом мы ещё не оканчиваем и обратимся к нему ещё раз в главе, посвящённой обзору типов, встречающихся в эпиграммах Марциала.

В не менее дружественных отношениях Марциал находился с поэтом Силием Италиком, автором известной эпической поэмы «*Punica*» и занимавшим видное общественное положение. Ему посвящены 14 эп. IV кн., 64-я VI кн., 63-я VII кн., 66-я VIII кн., 87-я IX кн., 48-я XI.

«Силий¹, слава Кастальских сестёр, который поражает громовым словом клятвopепреступления неистовых варваров и заставляешь злокозненного Ганнибала и неразумных карфагенян покориться великим Африканам, ты, отложивши на-время суровость... в зимнее время (здесь пропуск) читай не с нахмуренным лбом, но снисходительно мои эпиграммы, влажные от вольных шуток. Так, когда-то нежный Катулл осмелился послать великому Марону своего воробья» (элегию на смерть воробья). В 66 эп. VIII кн. перевозносит Силия как консула: «Камены, воскуряйте за вашего Силия благочестивый фимиам и

[с.81] жертвы Августу. Вот он приказывает вернуться 12 фаскам и поместиться в кастальском доме поэта, так-как он – консул. Кесарь, первое и единственное спасение во всех делах, даровал ему, торжествующему, то, что он уже в третий раз консул. Хотя сенат и даровал Помпею, а Цезарь зятю священные почести, которых имена трижды увековечил Янус миротворец; Силий же предпочитает считать частые консульства». Ещё в одной эпиграмме он упоминает о Силии по поводу купленных им поместий Цицерона и Виргилия (которых Силий Италик был большой почитатель, 48 эп. XI кн.). «Силий прославляет эти великие памятники Марона, он (Силий), который также владеет землей велеречивого Цицерона. Ни Марон, ни Цицерон не пожелали бы лучшего наследника и обладателя их могил и лар».

[Конец Главы Третьей]

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ.

¹ 14 эп. IV кн.

Отношения Марциала к писателям малоизвестным. Эпиграммы Марциала как материал для истории римской литературы во 2 половине I века по Р.Х.

Вопрос об отношениях Марциала к литературным деятелям современной ему эпохи оставлен был почти без внимания всеми исследователями эпиграмматиста, – вопрос весьма существенный в истории римской литературы второй половины первого века нашей эры. В самом деле, эпиграммы Марциала представляют единственный источник для знакомства с многими второстепенными латинскими писателями по всем отраслям литературы во второй половине первого века; без Марциала мы не знали бы даже их имен и они канули бы для нас в вечность навсегда. Правда, сведения, сообщаемые Марциалом, крайне отрывочны и скудны, но они достаточно выясняют, какие размеры приняла тогда страсть к стихотворству. Пользуясь репутацией первостепенного поэта, Марциал, конечно, играл видную роль во всех литературных кружках своего времени и поэтому знал всех мало-мальски выдающихся литературных деятелей. Известно, что в то время

[с.83] была мания на публичные чтения, представлявшие единственный путь для писателей знакомить читающую публику со своими произведениями. Как велико было число поэтов и какое стремление читать вслух свои произведения, можем заключить из одного письма Плиния Младшего к Созию Сенециону (Sosius Senecio), где он говорит следующее: «Этот год принёс нам весьма многих поэтов; в течении всего апреля редко выбирался день, чтобы кто-нибудь публично не читал. Меня радует, что литература процветает и хорошие таланты выступают и заявляют себя не смотря на то, что слушатели собираются очень неохотно». У того-же Плиния мы находим любопытные указания, к каким мерам приходилось прибегать, чтобы вербовать слушателей на эти чтения, и как они томились во время самого чтения: «Большинство сидит на дворе вне аудитории, проводят время во взаимной передаче городских новостей и от времени до времени только дают себе труд справиться – не вошёл ли чтец, не проговорил ли он уже вступление и не прочитал ли большей половины своего произведения. Но и тут они не усидят, многие ускользают гораздо ранее окончания, одни – тайком, другие совершенно не стесняясь, и притом люди самые досужие, не смотря на назойливые приглашения». Если у Ювенала и Плиния Младшего находим многочисленные указания на этот обычай, то понятно, что и Марциал должен был занести подобное явление в свои эпиграммы и представить его в более или менее комичном свете. В 44 эпиграмме III книги в обращении к некоему Лигурину он говорит следующее¹: «Лигурин, ты желаешь знать, что это значит, что

¹ Occurrit tibi nemo quod libenter,
Quod, quacunq̄ue venis, fuga est et ingens
Circa te, Ligutine, solitudo.
Quid sit, scire cupis? Nimis poeta es.
Hoc valde vitium periculosum est.
Non tigris catulis citata raptis,
Non dipsas medio perusta sole,
Nec sic scorprios improbus timetur, и т.д.

[с.84] никто с тобой не встречается: куда бы ты ни появился, повсюду бегство и вокруг тебя безбрежная пустыня? Потому что ты уже слишком поэт. Этот порок очень опасен. Ни тигр, раздражённый похищением детёнышей, ни змея, разогретая полуденным солнцем, ни хищный скорпион не внушают подобно страха. Ибо кто, спрошу тебя, может переносить столь тяжкие труды? И когда твой знакомый стоит, ты читаешь, и когда сидит, то-же самое, и бегущему даже все таки читаешь. Убегу ли я в бани: турчишь над ухом. Направлюсь в купальни – и поплавать не удаётся. Спешу к обеду; задерживаешь идущего. Сажусь за стол – обращаешь в бегство сидящего. В изнеможении засыпаю: поднимаешь на ноги лежащего. Хочешь убедиться сколько бед ты причинишь? Будучи человеком справедливым, честным, без вины внушаешь ужас»¹.

Не забыл Марциал занести в свои эпиграммы и то явление, что многие бедняки добывали хлеб насущный тем, что обрекали себя на слушание подобных поэтов; так, в 14 эп. II кн. он говорит следующее: ² «Селий не оставил ничего

¹ О том-же Гораций, *Ars Poetica*, ст. 474 и далее:

Indoctum doctumque fugat recitator acerbus
Quem vero arripuit, tenet, occiditque legendo. . . .

² Nil intemptatum Selius, nil liquit inausum,
Cenandum quotiens iam videt esse domi.
Currit ad Europen et te, Pauline, tuosque
Laudat Achilleos, sed sine fine, pedes.
Si nihil Europe fecit, tum Septa petuntur,
Si quid Philyrides praestet et Aesonides.

***** Проект «За Марциалом без билета»

[с.85] неизведанного и всё испробовал, когда увидел, что приходится дома обедать. Бежит к Европе и перевозносит тебя, Павлин, и перевозносит Ахиллеиду, состоящую из несметного числа стоп. Если Европа ничего не сделала, отправляется в септы, не даст ли чего-нибудь Филирид или Эзонид. Обманутый, отправляется в Мемфисовы храмы и усаживается у твоего трона, грустная телица; оттуда направляется в дом, поддерживаемый 100 колоннами, а оттуда в рощу Помпея».....

Более выдающиеся писатели этой эпохи почти все вошли в эпиграммы Марциала, сообщающего о них весьма ценные указания, встречающиеся исключительно только у него. Так, известный поэт и сановник эпохи Домициана *Аррунций Стелла*, упоминаемый Плинием Младшим и Тацитом, консул 101 г., находился в приятельских отношениях с Марциалом (и Стацием). Он известен как автор эротических элегий, которые он посвятил любимой им женщине, некоей Виолантилле. Не малое количество эпиграмм можно найти у Марциала, где он даёт нам указания об этом Стелле ³. Марциал величает его то «disertus» ⁴, то «facundus» ⁵, то «meus» ⁶. В 3 эпиграмме XII книги ⁷, посвящённой поэтом собственной книге, он побуждает её проникнуть в Субурру, самый кипучий римский квартал, где, как он говорит, находятся высокие чертоги

³ Перечень этих эпиграмм: 42 эп. IX кн., 3 эп. X кн., 61 эп. I кн., 6 эп. IV кн., 4 эп. VII кн.

⁴ 59 эп. IX кн.

⁵ 3 эп. XII кн.

⁶ ibidem.

⁷ gradiere Subura:

Atria sunt illinc consulis alta mei.
Laurigeros habitat facundus Stella penates,
Clarus Jantheae Stella sititor aquae....

[с.86] его консула. Велеречивый Стелла живёт там с пенатами, увенчанными лаврами, знаменитый Стелла, жаждущий испытать янтеевой влаги. Там кастальский ручей, великолепный своим (светлым) и прозрачным источником, откуда, по преданию, пили девять владычиц (dominae – музы). Он издаёт в свет то, что составит одинаково интересный предмет для чтения как для народа, так и для сенаторов и всадников. (Зачем требуешь заглавия – достаточно прочесть два-три стиха, и все, книга, воскликнут, что ты моя). Затем ни из какого другого источника, как только из Марциала, мы не узнаем (14 эп. XII кн.), что Стелла воспел в стихах свою возлюбленную «Janthis». Рассказывая о бедствиях, постигших одну девушку, он замечает, что «её горести не были таковы, какие оплакивала Катуллова Лесбия, лишившись своего любимого воробья, или те, которые оплакивала Иантида, воспетая (моим) Стеллой».

Известная поэтесса того времени Сульпиция, писавшая в подражание Сапфо эротические стихотворения, была хорошо известна нашему эпиграмматисту, который хвалит её за целомудренность и нравственное направление её писес. В 35 эпиграмме X книги, например, по поводу Сульпиции он говорит следующее: ¹ «Пусть произведения Сульпиции читают все те (девицы) женщины, которые желают понравиться одному мужу и пусть

¹ Omnes Sulpiciam legant puellae
Uni quae cupiunt viro placere;
Omnes Sulpiciam legant mariti,
Uni qui cupiunt placere nuptae.
.
Cuius carmina qui bene aestimarit
Nullam dixerit esse sanctiorem
Nullam dixerit esse nequiores.

[с.87] также Сульпицию читаю все те мужья, которые желают довольствоваться одною законною женой. Она внушает нравственную и целомудренную любовь..... и кто сумеет по достоинству оценить её стихотворения, никого не назовёт целомудреннее и нежнее её».

До сих пор мы упоминали литературных деятелей, о которых находим указания и у других писателей; теперь же переходим к таким литераторам, имена которых сохранились исключительно благодаря Марциалу. В виду историко-литературной ценности подобных эпиграмм мы будем их перифразировать целиком, без пропусков. Вот те писатели из этой эпохи, единственные сведения о которых находим в эпиграммах Марциала.

1. *Басс*, автор трагедий и эпических поэм. Ему посвящена 53 эп. V книги: ² «Друг, зачем ты пишешь Колхиду и зачем (пишешь) Тиеста: к чему тебе, Басс, Ниобея или Андромаха? Девкалион – вполне соответствующий сюжет для твоих стихотворений, или Фаэтон, если этот не понравится».

2. *Каний Руф* (Canius Rufus), уроженец Гадеса. О нём Марциал упоминает в 61 эпиграмме первой книги: ³ «Верона любит силлабы (слоги) учёного поэта, Мантуа счастлива Мароном; Анкона приурочивается как родина Ливию; Аполлодору рукоплещет Нил, приносящий дожди; Пелигны прокричали про своего Овидия, о двух Сенеках и о единственном Лукане вещала витиеватая Кордуба, *весёлый Гадес довольствуется своим Канием*, а тобой, Лициниан, будет гордиться наш

² Colchida quid scribes, quid scribes, amice, Thyesten?
Quo tibi vel Nioben, Basse, vel Andromachen?

³ Verona docti syllabas amat vatis,
Marone felix Mantua est,

[с.88] Бильбилис и о мне не умолчит». Тому-же Канию Марциал посвящает 20 эпиграмму III книги: ¹ «Скажи, муза, что поделявает мой Каний Руф? Не передаёт ли он бессмертным хартиям деяния времён Клавдиевых? или то, что лживый дееписатель приписывает Нерону; или не соперничает ли он в фарсах с злодеем Федром? Утешается ли он элегиями, или высокопарно не вызывает ли ужаса в Софоловых котурнах или на-досуге в школе поэтов сыплет островами, пропитанными аттической солью? Если он отсюда уехал, то не утаптывает ли портик храма или же медленно следит за похождениями аргонавтов (пробегаёт пространство аргонавтов)? Или же опять под небом благорастворённой Европы сидит среди буковых деревьев или прогуливается свободный от несносных забот? Не моется ли он в банях Тита, или Агриппы или бесстыдного Тигеллина? Или, быть может, наслаждается в деревне Тулла или Лукана, или, наконец, не отправился ли он в жаркие Байи и, беспечный, купается в Лукринском озере? Одним словом (короче сказать), ты хочешь знать, что поделявает твой Каний? Смеётся».

3. *Кар* (Carus), увенчанный в альбанском состязании ², на которого находим указание в 23 эп. IX книги ³ «Кар, ты, которому удалось заблестеть золотом девственности, скажи, где

¹ Dic, Musa, quid agat Canius meus Rufus:
Ultrumne chartis tradit ille victuris
Legenda temporum acta Claudianorum?

² Литературные состязания, устраиваемые Домицианом в альбанской вилле, его любимом местопребывании.

³ O cui virgineo flavescere contigit auro,
Dic ubi Palladium sit tibi, Care, decus?
.....
Albanae vivere potest pia quercus olivae,
Cinxerit invictum quod prior illa caput.

***** Проект «За Марциалом без билета»

[с.89] у тебя украшение Паллады... Священный дуб может позавидовать альбанской оливе, так-как она ещё прежде увенчала непобедимую голову».

4. *Фавстин* (Faustinus), о котором упоминается в 25 эп. I кн. ⁴: «Фавстин, издай наконец твои стихотворения (книги) для народа и пусти в свет твоё произведение, отделанное учёным образом, которое не осудят ни кекропейские твердыни Пандиона, да и наши старцы не пройдут его молчанием. Ты колеблешься впустить стоящую у дверей славу и тебе не хочется получить награды за твои труды. Пусть твои неувядаемые хартии начнут жить после тебя; праху приходит поздняя слава».

5. *Руф* (Rufus), оратор и поэт, которому Марциал написал эпитафию (52 эп. XII кн.) ⁵: «Привыкший увенчивать виски пиерийским венком и не менее прославленный красноречивыми защитами подсудимых, здесь погребён твой знаменитый Руф, Сепрония. Его пепел даже горит любовью к тебе. О тебе говорят, как о предмете для приятного рассказа в елисейских полях, и сама Тиндарида цепенеет при твоём похищении. Когда тебя со-временем узрят безмятежные жилища благочестивых теней, то в стигийских пределах не будет тени славнее твоей. Прозерпина очень любит похищения

⁴ Ede tuos tandem populo, Faustine, libellos
Et cultum doctor pectore profer opus,
Quod nec Cecropiae damnent Pandionis Arces
Nec sileant nostril praetereantque sense.
.....

⁵ Tempora Pieria solitus redimire corona,
Nec minus attonitis vox celebrata reis,
Hic situs est, hic ille tuus Sempronia, Rufus,
Cuius et ipse tui flagrat amore cinis.
.....

[с.90] (видит не чуждое себе). Эта любовь привлекла к тебе повелительницу (царицу преисподней)». Хотя приведенная эпиграмма не представляет никаких данных для характеристики Руфа, но то сочувствие, которое выражает Марциал вдове умершего, доказывает существование тесной дружбы поэта с Руфом, в то время как тот подвизался на поприще ораторском и поэтическом.

6. *Стертиний Авит* (Sertinius Avitus), к которому Марциал обращается в введении к IX кн. эпиграмм и в первой эпиграмме той-же книги ¹: «Известный, хотя и против собственной воли, поэт с возвышенным сердцем, которому поздний пепел доставит достойное возмездие. Пусть ради тебя возникнет эта надпись под нашим бюстом, так-как ты, Авит, причисляешь нас к славным мужам. Я тот, который по славе своих шуток не имею соперника и которым ты, читатель, не восторгаешься, но которого любишь. Пусть более великие и гласят о более возвышенном; а мне, трактовавшему о пустяках, достаточно часто бывать в ваших руках». Затем следует обращение к брату Торану (нам уже известному): «Будь здоров ², мой Торан, любезнейший братец. Эпиграмму, которая не включена в общий счёт, мы писали к Стертинию славному мужу, желавшему поместить мой бюст в своей библиотеке. Я счёл нужным написать тебе о нём, чтобы

¹ Note, licet nolis, sublime pectore vates,
Cui referet serus praemia digna cinis,
Hoc tibi sub nostra breve Carmen imagine vivat,
Quam non obscures iungis, Avite, viris:

² Ave, mi Torani, frater carissime. Epigramma, quod extra ordinem paginarum est, ad Sertinium clarissimum virum scripsimus, qui imaginem meam ponere in bibliotheca sua voluit.

[с.91] ты не пребывал в неведении, кто был этот Авит. Прощай и жди в гости». Кроме указания на Авита, эта эпиграмма также интересна и в том отношении, что характеризует, как высоко стоял Марциал во мнении писателей его времени, когда они находили уместным помещать в своих кабинетах его бюсты.

7. *Варрон*, писатель элегий, трагедий и лирических пьес, к которому Марциал обращается в 30 эпиграмме V книги ³: «Варрон, достойный софоклова котурна и не менее славный калабрийскою лирой, отложи этот труд и пусть тебя не прельщает поприще велеречивого Катутла или элегия с гладко-причесанными волосами. Читай стихотворения, которыми не следует пренебрегать в пасмурный декабрь и которые тебе посылаются своевременно (suo mense), или, быть может, Варрон, тебе более удобным кажется рассыпать сатурнальские орехи».

Затем у Марциала находим эпиграмму, посвящённую *Юлию Цереалу* (Julius Cerealis), который, по-видимому, изощрялся исключительно в сочинении эпических поэм (52 эп. XI кн.). В обращении к этому поэту он говорит: «Юлий Цереал, ты прекрасно пообедаешь у меня. Приходи, если у тебя не предвидится лучшего времени препровождения. Восьмой (час) можешь приберечь – будем вместе мыться: ты знаешь, как близко от меня бани Стефана». Затем Марциал перечисляет

³ Varro, Sophocleo non infitiande cothurno,
Nec minus in Calabria suspiciende lyra,
Differ opus, nec te facundi scena Catulli
Detineat, cultis aut elegia comis;
Sed lege fumoso non aspernanda Decembri
Carmina, mittuntur quae tibi mense suo.

[с.92] те скромные блюда, которыми он имеет в виду угостить своего приятеля (от 5-го до 16-го ст.). «Далее обещаю тебе ещё более: ничего не буду читать тебе вслух. А ты, пожалуй, перечитай нам своих Гигантов, эклоги, достойные бессмертного Виргилия»¹.

9. *Воконий Виктор* (Voconius Victor), составитель элегий, воспевающий в них своего Тестила (Thestylus) по образцу учёных александрийских поэтов²: «Тестил, приятная зазноба Вокония Виктора, мальчик, известнее которого нет в городе. Стриженный, ты всё-таки любим, будучи красавчиком, и ни одна девушка не понравится твоему поэту. Отложи на время учёные стихи твоего господина, пока я прочту маленькие пьески твоему Виктору. И хотя Марон (Виргилий) и воспевал перед Меценатом Алексиса, однако и смуглая Меленис Марсия всем была известна».

Перечисляя поэтов, с которыми Марциал был более или менее дружен, нельзя пройти молчанием брата поэта, Торана (см. выше), писавшего стихотворения в подражание Катуллу. Ему Марциал посвящает 44 эпиграмму XII книги³: «Единственный брат, имя мне близкое по родству, ты, который предан занятиям, имеющим для меня сердечный интерес, сочиняя стихи, уступающие по достоинству только стихотворениям

¹ Cenabis belle, Iuli Cerealis, apud me;
Conditio est melior si tibi nulla, veni.
Octavam poteris servare; lavabimur una;
Scis, quam sint atephani balnea iuncta mini.

² 29 эп. VII кн.: Thestyle, Victoris tormentum dulce Voconi,
Quo nemo est tota notior urbe puer,
Sic etiam positis formosus amere capillis

³ Unice, cognate iunctum mihi sanguine nomen, и т.д.
*** * Проект «За Марциалом без билета»

[с.93] брата, ты, который сердцем ему не уступаешь, а в родственном чувстве имеешь перевес. Лесбия могла бы тебя полюбить вместе с Катуллом и за тобой после Назона могла бы последовать ласковая Коринна. Не оказалось бы недостатка в зефирах, если-бы тебе пришлось распустить паруса; но ты предпочитаешь твёрдую землю, и в этом ты имеешь черту, родственную с твоим братом».

В не менее дружественных отношениях находился Марциал к поэтам, посвящавшим себя писанию эпиграмм, но стоявшим значительно ниже его по дарованиям. 23 эп. IV кн. посвящена какому-то эпиграмматисту Бруциану⁴: «Пока ты слишком долго доискиваешься Бруциан, кто в сравнении с тобой занимает первое или второе место и кто из греков сочинял подобные эпиграммы. Таллия, Каллимах сами уделили от себя пальму Бруциану, который, пресытившись аттическим остроумием, будет шутить с солью свойственной римской Минерве, и тогда я попрошу тебя, Каллимах, уступи мне второе место после него».

В другой эпиграмме Марциал упоминает о другом эпиграмматисте, поэте Цирении, и о своих к нему отношениях⁵: «Если ты, Цирений, собираешься издавать для публики твои

⁴ Dum tu lenta nimis diuque quaeris,
Quis primus tibi quisve sit secundus,
Graium quisve epigramma compararit:
Palmam Callimachus, Thalia, de se
Facundo dedit ipse Brutiano. и т.д.

⁵ 18 эп. VIII кн. Si tua, Cyreni, promas epigrammata volgo,
Vel mecum possis, vel prior ipse legi.
Sed tibi tantus inest veteris respectus amici,
Carior ut mea sit, quam tua fama tibi.
Sic Maro nec Calabri temptavit carmina Flacci, и т.д.

[с.94] эпиграммы, то тебя будут читать со мной вместе или прежде. Но у тебя есть на-столько уважения к старинному другу, что для тебя моя слава дороже твоей собственной. Так и Марон не пробовал своих сил в лирике Флакка калабрийца (Горация), хотя сумел одолеть пиндаровы размеры и уступил Варию в славе римского котурна (трагедии), хотя и мог выражаться торжественным слогом, свойственным трагедии. Много найдётся друзей, которые согласятся уступить и золото, и богатство и земли, но редок такой, который согласился бы уступить в таланте».

Приведенные эпиграммы, заключающие в себе сведения о представителях литературной производительности эпохи Домициана, повторяем, составляют единственный источник для знакомства с историей поэзии в этот период. Рисуя пред нами популярность Марциала и его обширный круг знакомых, они дают право заключить о его редкой уживчивости и общительности; он любезно и с распростёртыми объятиями встречает всякого поэта и своими преувеличенными похвалами, конечно, имеет в виду поощрять писателей продолжать подвизаться на этом поприще.

[Конец Главы Четвёртой]

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Эпиграммы Марциала со стороны содержания. Приёмы Марциала как литератора. Характеристика главных типов, встречающихся в эпиграммах Марциала. Сравнение Марциала с Ювеналом.

Материалом для эпиграмм Марциала, как выше мы имели случай убедиться, служила действительная жизнь и притом со всеми её порочными удовольствиями. Невольно рождается вопрос: почему, изображая так бесцеремонно и цинично пороки современного общества, Марциал не навлёк на себя вражды? Этому он обязан своим благодушием и необыкновенным тактом, с каким он относится к своим современникам. Живые лица он называет по имени только тогда, когда их хвалит. Свои принципы и правила, которым он неуклонно следует в своём творчестве, он отчётливо высказывает в предисловии к первой книге эпиграмм¹. «Я надеюсь, говорит

¹ Spero me secutum in libellis meis tale temperamentum ut de illis queri non possit quisquis de se bene senserit, cum salua infirmarum quoque personarum reuerentia ludant; quae adeo antiquis auctoribus defuit ut nominibus non tantum ueris abusi sint, sed et magnis. Mihi fama uilius constet et probetur in me nouissimum ingenium. Absit a iocorum nostrorum simplicitate malignus interpres (nec epigrammata mea scribat): [inprobe facit qui in alieno libro ingeniosus est.] Lasciuam uerborum ueritatem, id est epigrammaton linguam, excussarem, si meum esset exemplum: sic scribit Catullus, sic Marsus, sic Pedo, sic Gaetulicus, sic quicumque perlegitur. Si quis tamen tam ambitiose tristis est ut apud illum in nulla pagina latine loqui fas sit, potest epistola uel potius titulo contentus esse. Epigrammata illis scribuntur [qui solent spectare Florales.]

[с.96] Марциал, что в моих книжках придерживался та-кой умеренности, что на них никто не пожалуется, если даже заметить намёк на собственную личность, так-как они заключают в себе шутки, не задевая лиц, занимающих даже самое ничтожное общественное положение. Чего на-столько были чужды древние писатели, что не только зло-употребляли подлинными именами, но и притом – велики-ми. Пусть слава мне обойдётся дешевле и пусть во мне бу-дет одобрен новейший талант. Не дай Бог, чтобы нашёлся злостный истолкователь моих простых шуток.... (Хуже по-ступает тот, который, будучи остроумным, злословит отно-сительно моих эпиграмм). Я извинился бы в вольной прав-дивости выражений, т.е. в эпиграмматическом стиле, если-бы я первый показал пример в этом роде: так пишут Ка-тулл, Марс, Педон, Гетулик, так все наиболее читаемые по-эты. Кто же на-столько напыщен и педантичен, что у него ни в единой строчке неуместно выражаться по-латыни, пусть довольствуется эпистолой или одним заголовком. Эпиграммы пишутся для тех, которые собираются смот-реть на игры в честь Флоры. Пусть Катон не входит в мой театр, или уже если раз вошёл, то пусть смотрит. Я полагаю, что я буду в моём праве, если я заключу эту эпистолу четверостишием: «Когда ты знал приятные тайнства Фло-ры, весёлые игры и разгул черни, зачем, суровый Катон, ты вошёл в театр, или для того только и пришёл, чтобы вый-ти».

[с.97]

Это введение находится в совершенном согласии с теми приёмами, которых всегда придерживается Марциал. По-нятно, что, при таком благодушном отношении к публике, все остроты и шутки Марциала, направленные против от-дельных личностей, не вызывали против него никакого раздражения в этих самых задеваемых личностях. Тейфель однако полагает, что «Марциал напрасно берёт на себя труд выставить за основания как *humanitas* и природное добродушие то, что есть результат его чувства принижен-ности и покорности» – мнение, с которым едва-ли можно согласиться. Марциал, по нашему мнению, действительно был слишком благодушен и снисходителен, чтобы решиться нападать на отдельные личности. В 12 эп. VII книги он повторяет почти ту-же мысль, что в своём введении к эпи-граммам: «*mea nec juste quos odit, pagina laesit*», а также в 33 эп. X кн.: «*parcere personis, dicere de vitiis*». Приводим содержание этой эпиграммы вполне ¹: «Мунаций Галл, ко-торый, будучи проще древних сабинян, превосходишь доб-ротой кекропейского старца, пусть тебе целомудренная Венера даёт возможность удержать славных пенатов свата с неугасаемым факелом дочери, с тем чтобы ты, если зло-намеренная зависть скажет, что мои стихи окрашены зелё-ною медянкой, отогнал от нас этих клеветников, по своему обыкновению, и не бери на себя труд порицать всех пишу-щих подобные стихотворения, которые читаются. Наши

¹ *Simplicior priscis, Munati Galle, Sabinis,
Cecropium superas qui bonitate senem,
Sic tibi consoceri claros retinere penates
Perpetua natae det face casta Venus:
Ut tu, si viridi tinctos aerugine versus
Forte malus livor dixerit esse meos,
Ut facis, a nobis abigas, nec stringere quenquam*

[с.98] стихи всегда умели соблюдать эту меру – щадить отдельные лица и говорить о пороках (вообще)».

В колких и язвительных эпиграммах Марциал избирает имена, руководствуясь только требованиями метрики, и не раз предупреждает, чтобы отдельные лица не усматривали в них намёков на себя. Убедительнее всего он высказывает эту мысль в 23 эп. II кн. ¹: «Как бы вы ни допытывались, не скажу вам, кто такой Постум, выводимый в моих эпиграммах, не скажу: какой мне интерес задевать эти уста (поцелуи) ², которые так хорошо сами себя умеют наказывать». То-же самое и в 11 эпиграмме III книги ³: «Квинт, если твоя девочка ни Таида, ни одноглазая, почему ты думаешь, что двустипшие направлено против тебя. Но нашли сходство: вместо Лаиды назвал Таидой. А скажи мне, какое сходство в именах Таида и Гермiona? Ты, всё-таки, Квинт. Переменим имя влюблённого, и если Квинт не жалуется Таиду, пусть полюбит её Секст». Или в 12 эп. VII книги, обращённой к некоему Фавстину ⁴: «Фавстин, пусть государь читает мои стихотворения

¹ Non dicam, licet usque me rogetis,
Quis sit Postumus in meo libello,
Non dicam: quid enim mihi necesse est
Has offendere basiationes,
Quae se tam bene vindicare possunt?

² О которых он говорит в предшествующей эпиграмме.

³ Si tua Thais nec lusca est, Quinte, puella,
Cur in te factum distichon esse putas?
Sed simile est aliquid: Pro Laide Thaida dixi.

⁴ Sic me fronte legat dominus, Faustine, serena
Excipiatque meos qua solet aure iocos,
Ut mea nec iuste quos odit, pagina laesit
Et mihi de nullo fama rubore placet, и т.д.

[с.99] с ясным челом и преклоняет ухо к моим шуткам по своему обыкновению, так-как мои строки не задели тех, кого они по праву ненавидят, и для меня вовсе не имеет прелести слух о каком-нибудь скандале. Что толку в том, что некоторые желают, чтобы наши стрелы были обагрены ликамбовой кровью, пропитаны змеиным ядом и в то-же время отказывались переносить лучи Феба. Мы тешимся безвредно. Ты это хорошо знаешь. Клянусь божеством могущественной славы, сонмом кастальским и твоим слухом, читатель (заменяющий мне божество), я свободен от бесчеловечной ненависти».

Некоторые имена Марциал употребляет в нарицательном смысле, как типы известной категории порочных людей. *Fidentinus* как плантатора (обращающего в кабалу вольных людей), *Selius* как блюдолиза, *Ligurinus* как публичного чтеца (*recitator*), *Postumus* – о патронах, затем *Цецилиана*, *Горгилиана*, *Кандида*, *Классика*, *Понтика*, *Зоила*, *Флакка*, *Тукки* и всевозможных других. На-ряду с бесцветными и истёртыми типами, которые изображает Марциал, с типами истощёнными развратом, с жестокими вольноотпущенниками, которые заставляют вырывать языки у рабов, с тем чтобы их нравственная грязь оставалась скрытой, с этими женщинами, которые по десять раз разводятся и считают всех своих любовников на правах мужей, женщинами, разврат которых получил санкцию от законов, как энергически выражается Марциал, на-ряду с этими жалкими типами, которые могли бы составить целую картинную галерею, выделяются и такие, которые присущи всем временам и которые вызовут смех при каких угодно костюмах. Другие небольшим числом штрихов представляют уклонения от общего типа, штрихов, свойственных той эпохе, что им придаёт,

[с.100] кроме ценности общих истин, пикантный отпечаток местной и современной истины. Для того чтобы составить себе понятие, насколько исполнены жизненной правды типы, выводимые Марциалом, мы приведём несколько лиц, очерченных с необыкновенным мастерством нашим эпиграмматистом и бросающих свет на нравы и преобладающие слабости того времени. Что это, например, за личность *Цинна*? Он одержим недугом всё говорить на-ухо (190 эп. I кн.). «Цинна не говорит громко : хорошая погода, а говорит он это шопотом. Цинна смеётся, плачет, бранится, жалуется всё на-ухо». Совсем иными привычками отличается *Селий*¹. Поэт задаётся вопросом, почему Селий так печален: «почему, говорит, его нос касается земли, почему он бьёт себя в грудь и рвёт на себе волосы? Ведь он не оплакивает ни своего друга, ни родственника. Двое детей его живы и здоровы, жена его чувствует себя отлично, его дом оставляют в покое воры и арендатор не разорит его. Чем же объяснить, что он всегда грустен. Секрет состоит в том, что Селий оказывается вынужденным обедать у себя дома на свой счёт. Чтобы этого избежать, он готов на всё, бегаёт на Марсово поле; хвалит скорость твоих ног, Павлин, с Марсова поля он идёт на базар, с базара в бани Фавста, из бань Фавста в бани Фортуната, моется там и там, что ещё более раздражает его аппетит. Избежать Селия нет возможности, какое бы старание вы ни прилагали, и как бы его ни остерегались. Играете ли вы в мяч – он и подаёт его вам. Если вы в бане и он увидит, что вы берёте простыню, чтобы обтереться, он приходит в восторг от близости вашего

¹ 14 эп. II книги.

[с.101] белья, хотя оно было бы грязнее детских пелёнок. Причешешься ли ты, он не преминёт сказать, что твои волосы также прекрасны как волосы Ахилла.... И ты, доведенный до крайности этими приставаниями, наконец вынужден будешь ему сказать: «иди ко мне обедать».

Третий тип, не менее характерный, *Тонгилия*², который поручает передать своим друзьям, что его бьёт лихорадка, болезнь же, в-сущности, есть удочка, которую он закидывает своим друзьям, чтобы выпросить у них вкусных рыб и старого фалернского вина; а друзьям, по замечанию поэта, чтобы проучить, следовало скорее послать пивовок и горячей воды, нежели фалернского вина.

*Секст*³, которого поэт выдаёт за своего старинного приятеля, так опасается, чтобы Марциал не попросил у него денег, что как-только завидит его, говорит особенно громко, чтобы издали его можно было слышать: «я должен 7000 сестерций Секунду, 4000 – Фебу, 11000 – Филебу, а у меня в моём сундуке пусто».

Тонгилиан купил свой дом за 200000 сестерций; пожар, явление очень обыкновенное в Риме, уничтожил его. Открылась подписка между друзьями и клиентами погоревшего и она дала сумму, превышавшую в десять раз ценность дома. Не сам ли Тонгилиан был поджигателем своего дома – задаётся вопросом поэт⁴.

Таких типов, вывученных из действительной жизни, можно выделить не мало в эпиграммах Марциала. То это патрон, заставляющий пить своих паразитов вино самого

² 40 эп. II книги.

³ 44 эп. II книги.

⁴ О том-же см. III сат. *Ювенала*, 222 ст. и след.

[с.102] низшего качества, между-тем-как сам пьёт очень дорогое в изящном, но непрозрачном кубке¹, чтобы не могли различить два сорта; то это некий врач *Симмах*, наносящий вам визит с целою ватагой своих учеников, которые, по очереди ощупывая ваш пульс, прививают вам лихорадку, которой вы не имели; то это *Левин*², забирающийся в театре в ряд скамей, отведенный для всадников, и принимающий вид спящего, чтобы избежать бдительности Океана, очень усердного швейцара, который безцеремоний и немилосердно гонит всех, забирающихся не в свои места – пустое тщеславие, представлявшее очень обыкновенное явление в Риме, современном Марциалу. Люди с достатком и даже рабы надевали всадническое платье и красовались в аристократических сиденьях. Марциал, между прочим, смеётся над рабом, который, забравшись во всаднические ряды, выдал своё происхождение ключом, который выпал из кармана, в тот момент, когда он отстаивал всаднические права³. То это Клит, который рождается восемь раз в году, чтобы получать от друзей подарки в день рождения⁴. Или это Мамурра, бегающий по рынкам, высматривая – нет ли в продаже красивых невольников⁵, или ищет он кроватей с инкрустациями, столов цитровых или из слоновой кости, обнюхивая статуи, чтобы убедиться, что они из Коринфа и не найдётся ли между ними произведения Поликлета, выбирая и откладывая в-сторону хрустальные кубки, старинные амфоры,

¹ Эп. 86 кн. IV.

² Эп. 9 кн. VI.

³ Эп. 35 кн. V.

⁴ Эп. 14 кн. VIII.

⁵ Эп. 40 кн. IX.

[с.103] вазы резца Ментора, как бы имея в виду их купить: при этом, прицениваясь к драгоценным камням, перлам и яшме, и наконец, набегавшись до 11 часов, купил две простые вазы ценою в один асс и, за неимением рабов, понёс их собственными руками. То это адвокат *Галлик*, настойчиво просящий, чтобы с ним были откровенны и чтобы ему высказывали правду о его судебных речах: это мне доставит большое удовольствие – постоянно повторяет Галлик. Я ни в чём не желаю тебе отказывать, Галлик, и послушай вещь более справедливую, нежели сама истина: «Галлик, ты не любишь, чтобы тебе говорили правду».

Не менее удачно Марциал запечатлел в своих эпиграммах весьма интересный тип своей эпохи, тип разбогатевшего глашатая (ргаесо). Прежде это был ничтожнейший гражданин из трибы (tribulus), теперь же он богат – его роскошь и спесь раздражает Ювенала и смешит Марциала. Что ему придаёт наиболее апломба, так это то, что он остался шутником только лучшего тона, чем те крикуны, о которых говорит Цицерон. Крикун (ргаесо) прежнего времени был бедный площадной шут, вызывавший смех в римских ротозеях в ущерб злополучному банкроту, движимое имущество которого он продавал; способ выражения его отличался резкостью и шутки бывали площадные. Глашатай же, выводимый Марциалом, по мере своего обогащения, шлифуется и из шута становится тонким комиком. Например, вот к какому приёму он прибегает, чтобы набить цену на землю Мария, которая продаётся с публичного торгу. Обманываются, кричит он, если верят, что Марий вынужден продавать земли для уплаты долгов: Марий никому не должен: скажу лучше – он всем занимает. Так за-чем в таком случае Марий продаёт

[с.104] своё поместье? – Просто потому, что хочет отделиться. Другой «граесо» Гелион старается всех убедить, что бедная девушка, которую он продаёт с публичного торгу и которая зябнет на этом рынке, доступном всем ветрам, чиста и целомудренна, и он, бесстыдник, привлекает её в свои объятия и хочет поцеловать не смотря упорное сопротивление с её стороны¹. Богатство, множество рабов и клиентов, которых он отобьёт у других, сообщает его фигуре и осанке достоинство и довольство, что, конечно, скроет его низкое происхождение.

Приведенные типы дают достаточное понятие, какого рода пороки преследовал Марциал в своих эпитаграммах. Не вооружаясь бичом Ювенала, который клеймит всё отвратительное и ужасное, Марциал задевает людские слабости, представляющие скорее материал, пригодный для карикатуры, нежели для сатиры. Тем не менее однако его эпитаграммы для знакомства с нравами того времени имеют такое-же значение как и сатиры Ювенала. Часто сатирик и эпитаграмматист соприкасаются в сюжетах и восполняют друг друга.

Эта близость по содержанию так значительна и могла бы быть подтверждена столькими выдержками из обоих поэтов, что может составить предмет особенного исследования. Мы ограничимся приведением нескольких эпитаграмм Марциала, которые могут служить прекрасным комментарием к первой сатире (что, конечно, применимо ко всем XVI сатирам). В первой сатире², напр., Ювенал рассказывает, что на спортулу как

¹ 45 эп. VI кн.

² 117 и след. Sed quum summus honor finito competet anno,
Sportula quid referat, quantum rationibus addat,
Quid facient comites, quibus hinc toga, calceus hinc est
Et panis fumusque domi...

***** Проект «За Марциалом без билета»

[с.105] на доходную статью смотрят не только убогие клиенты, но и лица высокопоставленные. О том-же самом говорит Марциал в 30 эп. III кн., где он следующим образом рисует крайность, в которую поставлен бедняк Гаргилиан³: «Спортулы тебе совсем не дают и садишься безвозмездно за стол. Скажи мне, Гаргилиан, что ты поддельываешь в Риме? На какие средства у тебя убогая тога и закопченнная (чёрная) комнатка? Из каких источников получаешь квадрант? На какие средства ты кормишь жену Хиону? И хотя бы ты утверждал, что живёшь с величайшим расчётом, но тем самым, что живёшь, поступаешь весьма не расчётливо». О том-же самом предмете с более занимательными подробностями говорит Марциал в 10 эпитаграмме X книги⁴. «Когда ты, который начинаешь год с фасками, украшенными лаврами, в качестве клиента (говорящего приветствия), оббиваешь утром тысячу порогов, то что же мне остаётся здесь делать? Что оставляешь ты нам, Павел, нам, которые принадлежим к черни Нумы и стоим густою толпою. Кто только оглянется на меня (посмотрит), я того назову и господином и царём. Это ты сам делаешь, но насколько подобострастнее. Преследовать ли мне носилки и кресло? Не отказываюсь, но ты уже ратуешь по-середине..... Буду ли я делать знаки одобрения (привставать),

³ Sportula nulla datur; gratis conviva recumbis

Dic mihi, quid Romae, Gargiliane, facis?

Unde tibi tobula est et fuscae pension cellae? и т.д.

⁴ Cum tu, laurigeris annum qui fascibus intras,

Mane salutatory limina mille teras,

Hic ego quid faciam& quid nobis, Paule, relinquis,

Qui de plebe Numae densaque turba sumus&

Qui me respiciet, dominum regemque vocabo?

Нос то, sed quanto blanius! Ipse facis и т.д.

[с.106] когда он будет декламировать стихи? Ты уже стоишь и разом протягиваешь обе руки к устам. И так, что же делать бедняку, которому нет возможности быть клиентом. Ваша пурпурная одежда пустила по-миру наши простые тоги».

В стихе 127-ом той-же первой сатиры Ювенал говорит о том, как римляне проводили свой день: «Ipse dies pulchro distinguitur ordine rerum: sportula, deinde forum jurisque peritus Apollo»..... О том-же самом повествует Марциал в 8 эпигр. IV книги ¹: «Первый и второй час проходят в утренних приветствиях; третий мучит хриплых (от болтовни) адвокатов и то пятого часа (суетливый) Рим протягивает всевозможные занятия, шестой служит отдохновением для усталых, а седьмой – всему конец, восьмой и девятый поглощают гимнастические упражнения, девятый усаживает за обеденный стол, а десятый принадлежит моим стихотворениям, Эвфем». Таких мест у сатирика и эпиграмматиста можно найти немало, что несомненно доказывает близость между сатирою и эпиграммою. Хотя в нашу задачу не входит проводить параллель между этими двумя представителями поэтического творчества эпохи Домициана, но, как мы полагаем, не будет неуместным указать две или три существенные черты этого различия. Во-первых, Ювенал отличается несравненно большею объективностью, так-что его собственная личность в его сатирах представляется весьма неопределённо, -- выносишь только твёрдую уверенность, что поэт по уровню нравственного

¹ Prima salutantes atque altera conterit hora,
Exercet raucos tertia causidicos:
In quintam varios extendit Roma labores,
Sexta quies lassis, septima finis erit:
Sufficit in nonam nitidis octava palaestriis,
Imperat exstructos frangere nona toros и т.д.

[с.107] развития неизмеримо выше того общества, пороки которого он бичует: негодование, раздражение, жёлчь и горечь – лучшие тому доказательства. Но эти данные слишком недостаточности для характеристики личности поэта. Совсем другое дело – Марциал; он весь сказался в своих эпиграммах: на основании его произведений мы можем вполне отчётливо представить себе симпатичный, но безалаберный и неустойчивый в нравственном отношении образ эпиграмматиста. Пользуемся случаем прибавить несколько штрихов к характеристике поэта. Прежде всего, как мы уже имели случай убедиться, Марциал – человек поверхностный и неуглубляющийся в суть вещей; этим отсутствием глубины и основательности объясняются многие его недостатки. Во-первых, он тщеславен и хвастлив ². Тщеславие поэта прорывается постоянно большею частью, под личиной скромности, согласно обычаям поэтов. Иногда самовосхваление Марциала имеет весьма наивный характер; например, в обращении к поэту, который в своих бездарных стихотворениях вставлял целые цитаты из его эпиграмм, Марциал говорит: «отчего ты стараешься найти сходство между лисицами и львами, между орлами и совами» ³. Фидентин ⁴, ремесло которого состояло в литературной краже ⁵, выдавал самым бесстыдным образом эпиграммы Марциала за свои собственные и сбывал их; что-бы его воровство не было обнаружено тотчас, он вставлял

² Очень много можно насчитать эпиграмм, где Марциал без церемоний приписывает себе славу первостепенного писателя: I, 1; III, 95; V, 13; VI, 61, 64; VI, 82; VII, 17, 10, 88, 97; VIII, 3; IX, 98; X, 24; XII, 3, 11, 8.

³ 100 эп. X кн.

⁴ 53 эп. I кн.

⁵ Марциал нередко жалуется на нахальные заимствования из его эпиграмм: I, 29, 38, 52, 66, 72, 113; VI, 51; XI, 94.

[с.108] собственные строки в эпиграммы Марциала: «Это вызывало со стороны Марциала сравнение, по которому эта строчка среди его стихов была как ворон среди лебедей, как сорока среди соловьёв, как чугунный горшок среди хрустальных ваз». Вообще Марциал, нисколько не стесняясь, ставит себя выше тех эпических поэтов, которыми восхищаются, но которых не читают. «Нет Вергилия, говорит он»¹, если нет Мецената; Вергилий садился за стол своего патрона, наливал белою рукой пенящееся фалернское, подносил к розовым губам нектар, который был бы в состоянии разбудить Юпитера. С тех пор, как он познал пиры Мецената, он позабыл и о своей толстой Галатее, о смуглой щёчке Тестилис, и он, который ещё недавно применял свой талант к воспеванию комара, вдруг избирает сюжетом Италию и воспевает войны и героев. Пусть же будут Меценаты, восклицает поэт, то и не будет недостатка в Вергилиях». Не вытекает ли отсюда прямое следствие, что Марциалу только и недоставало Мецената, чтобы сделаться Вергилием. В других эпиграммах поэт выражает полную уверенность, что его эпиграммы доставят ему бессмертие. Такова третья эпиграмма VIII книги². «Довольно было пяти книг, говорит он, потому что шесть или семь книг – излишек: Муза, стоит ли ещё забавляться? Нужно знать честь и меру: слава ничего более не может нам прибавить: наша книжка трётся повсюду. И когда каменные сооружения Мессалы

¹ 56 эп. VIII кн.

² «Quinque satis fuerant: nam sex septemve libelli
Est nimium: quid adhuc ludere, Musa, iuvat?
Sit pudor et finis: jam plus nihil addere nobis
Fama potest: teritur noster ubique liber и т.д.

***** Проект «За Марциалом без билета»

[с.109] от времени развалится, когда высоко поднимающиеся мраморы Лициния обратятся в прах, меня будут читать повсюду и многочисленные чужестранцы распространят наши стихи в своих родных землях. Я уже собиравшись оставить писать, как вдруг девятая из сестёр, облечённая в траур с умощёнными волосами, сказала: «неблагодарный, неужели ты можешь оставить твои милые шутки? Скажи мне, чем же ты предпочитаешь заниматься на досуге? Нет ли у тебя намерения приняться за писание трагедий, или греметь о войнах героическим размером, чтобы напыщенный наставник хриплым голосом читал тебя и чтобы тебя возненавидело подрастающее поколение (подрастающая девочка и мальчик). Пусть в этих родах поэзии изошрятся люди серьёзные и важные, которым горемычным светит в полночь лампа. Ты же забавляй римлян весёлыми шутками, приправляй свои стихи забавными остротами и пусть действительная жизнь увидит себя (как в зеркале), причём хотя и покажется, что ты наигрываешь на флейте, однако твоя свирель заглушит трубы многих». Туже почти мысль высказывает Марциал и в 3 эпиграмме XI кн.³: «Моя муза не только улаживает досуг жителей города и мы не предназначаем наших стихов только для доставления пищи праздному слуху. Не даром мою книжку читает и суровый центурион в гетских горах у знамен марсовых и сам Британник, как поговаривают, твердит наши стихи. А какие бессмертные стихи могли бы мы сочинять,

³ Non urbana mea tantum Pimpleide gaudent
Otia, nec vacuis auribus ista damus,
Sed meus in Geticis ad Martia signa pruinis
A rigido teritur centurione liber и т.д.

***** Электронное издание © Александр Борисович Акимов, Харьков, 2010 *****

[с.110] если-бы боги возвратили земному шару Августа и если-бы, о Рим, они возвратили тебе Мецената».

Приведенные эпиграммы представляют достаточно данных, чтобы судить, в какой степени Марциалу было присуще самомнение и тщеславие – черты, совершенно чуждые Ювеналу: последнего, по-видимому, вовсе не занимал вопрос о том, как к нему относится читающая публика: зрелище нравственного разложения общества действовало слишком подавляющим образом на него и вызывало в нём на-столько мрачное настроение мыслей, что он оставался совершенно равнодушным к своей славе.

Обратимся ли мы к философским воззрениям, то и здесь усмотрим существенную разницу между Марциалом и Ювеналом: сатирик, хотя и не причисляет себя прямо к стоической секте, но его симпатии видимо клонятся к стоическому миросозерцанию, причём в своих воззрениях на людей Ювенал оказывается полнейшим пессимистом. Совсем иное представляет Марциал: его принципы отзываются беспечностью и благодушием эпикурейца. В обращении к некоему Каллину в 54 эпигр. I кн. он говорит следующее: «Каллин, которому было позволено коснуться первой листвы и увенчать ею волосы, если ты здраво мыслишь, пользуйся всеми днями и верь, что для тебя всегда близится смерть. Никому не удалось смягчить трёх сестёр – парок, прядущих нить жизни; они всегда блюдут тот день, который наметили: будь ты богаче хоть Криспина, мужественнее самого Тразея и щеголеватее франта Мелиора, Лахезис ничего не прибавляет к своей пряже. Сматывает прялки сестёр и одна из трёх всегда (неизбежно) рассекает». Мрачное учение о необходимости самоубийства также было совершенно чуждо оптимистического

[с.111] миросозерцания Марциала. В 8 эпиграмме I книги, обращённой к известному нам другу Дециану, он говорит ¹: «Дециан, по поступаешь согласно моему желанию, если следуешь принципам великого Тразея и безукоризненного Катона, только сохраняя жизнь невредимой и не наталкиваясь грудью на обнажённые мечи. Я не желал бы человека, который доискивается славы добровольно проливаемой кровью; я предпочитаю такого, который удостоится похвал, не прибегая к самоубийству».

Это полное отсутствие солидарности между двумя корифеями римской литературы второй половины первого века отчасти подтверждает, по нашему мнению, высказанную нами ещё выше догадку, что тот Ювенал, к которому Марциал обращается как к другу в нескольких эпиграммах, был не сатирик, а лицо, носившее одно имя с великим римским сатириком.

[Конец Главы Пятой]

¹ Quod magni Thraseae consummatique Catonis
Dogmata sic sequeris, salvus ut esse velis,
Pectore nec nudo strictos incurris in enses,
Quod fecisse velim te, Deciane, facis и т.д.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Выводы из всего вышесказанного о личности Марциала.
Его недостатки и хорошие качества.

Мы обращаемся ещё раз к вопросу, который уже задавали себе несколько раз: можно ли составить себе полное и отчётливое представление о личности Марциала на основании тщательного знакомства с его эпиграммами. Окончательное решение этого вопроса затрудняется, как мы выше видели, многими противоречиями. В этой главе мы постараемся резюмировать всё вышесказанное нами по поводу личности поэта и выделить как несомненные хотя некоторые его черты. Прежде всего из краткого обзора его жизни и материальной обстановки легко можно было усмотреть, что это был человек бившийся из-за копейки и весьма плохо обеспеченный в материальном отношении. При всей беспечности характера поэта, нищета, угрожавшая ему на всяком шагу, заставляла его быть крайне назойливым по отношению к своим скупым меценатам. Это убожество и недостаток средств, по нашему мнению, и есть главная причина всех его недостатков – его нравственной неустойчивости, приниженности, попрошайничества и др. Будь этот человек хорошо обеспечен, можно с достоверностью предположить, что ни один из этих недостатков не привился бы к его природе. Марциал является в Рим без средств,

[с.113] без протекции; как человек с талантом и пронзительный, он воображает, что быть провозвестником истины и борцом за правду при тех порядках, которые существовали при Домициане, невозможно, да и бесплодно. Положим, если-бы он был человек особенного нравственного закала, готовый запечатлеть смертью верность своим принципам, то он загремел бы против пороков на-подобие Люцилия или Ювенала. Ничего подобного мы не видим в нашем поэте. Это был человек кроткий, благодушный, любивший выпить лишний стакан вина в весёлой компании, иметь хороший стол и быть в-ладах по-возможности со всеми. Но в том-то и горе, что, принятый в лучшем кружку, читаемый повсюду, он решительно не имел средств, чтобы держаться на такой высоте и, волей-неволей, вовсе несклонный по природе к лести и лицемерию, ударился в самую приторную лесть. Всматриваясь внимательно в его приёмы льстить, мы приходим к заключению, что лесть эта совершенно невинная и что мотиве её слишком очевидны (просить, ведь, прямо нельзя). Безнравственный льстец, превознося одного, чернит и унижает другого; ничего подобного мы не видим в Марциале: он совершенно чужд зашпигачества, клеветы и шпионства.

Затем если задаться вопросом, был ли Марциал поэтом по призванию, или смотрел на поэзию как на дойную корову? – что касается до нас, то мы, не задумываясь, допустим первое. Марциал неоднократно жалуется на то, что поэтам приходится очень плохо, так-как Меценаты уже перевелись; но эта уверенность не заставила его бросить занятия поэзией и она была неразлучною спутницей во всех его радостях и невзгодах: в ней он находит надёжную поддержку в своих неудачах и материальных лишениях, в ней он черпает силы

[с.114] для дальнейшей борьбы с нуждой, врагами и завистниками. Это был своего рода Беранже древнего мира; как для последнего песня, так для первого – эпиграмма была самой дорогою подругой, которой он единственной поверял все свои заветные думы и намерения. Что касается до склонности к скабрёзным сюжетам, то мы, обсудивши этот вопрос довольно обстоятельно, не считаем себя вправе оправдывать эпиграмматиста духом времени и людей и должны будем признать Марциала за человека, склонного к чувственным наслаждениям, хотя, конечно, не в такой степени, как это можно судить по его эпиграммам, где он часто, говоря в первом лице, вовсе не себя имеет в виду. Обстоятельством, смягчающим вину Марциала, является его чистосердечность и откровенность: имея этот порок, он не лицемерит и не старается представить себя лучше, чем он есть, вооружаясь постоянно против стоической нетерпимости. Его частые попытки оправдать себя в бесцеремонном цинизме некоторых из своих эпиграмм дают право судить, что в общественном мнении поэт не стоял особенно высоко: в-особенности возмущались им моралисты, опасавшиеся тлетворного влияния его эпиграмм на подростящую молодёжь. И так, приторная лесть Домициану и склонность к неприличному – вот два пятна на репутации Марциала как человека.

Отдавая дань своему времени, да вдобавок будучи южного происхождения, Марциал, конечно, в Риме вёл жизнь не особенно воздержную; но во всяком случае этот порок никогда в нём не достигал таких размеров, чтобы чувственные наслаждения были целью его жизни. Это был эпикуреец и *bon-vivant*, для которого чувственные удовольствия имели такое-же значение, как вкусный, утончённый обед.

[с.115]

Те-же эпиграммы, разоблачающие эти два порока нашего поэта, дают нам право заключать о многих неоценённых качествах его души и рисуют в самом привлекательном свете личность поэта. Необыкновенная доброта, щедрость, доходящая до самопожертвования, деликатность, всепрощающее незлобие и неисчерпаемая весёлость, как признак доброй и честной души, – вот те качества поэта, которые бросаются в глаза при знакомстве с эпиграммами Марциала. К нему лучше чем к кому-либо применимо знаменитое изречение Теренция «человек он был и ничто человеческое не было ему чуждо». В его отношениях к друзьям, к вольноотпущенникам и даже к рабам проглядывает какая-то особенная гуманность и мягкость¹, чуждые римского характера: колкий в эпиграммах, в обыденной жизни он был человек необыкновенно деликатный и услужливый до крайности. Можно с достоверностью предположить, что, если-бы Марциалу удалось разбогатеть, он наверное роздал бы всё своим бедным друзьям. На-беду Марциала лучшая пора его жизни совпала с самою безотрадною эпохой из истории римских кесарей: с радостью он приветствовал занимавшую зарю новой жизни и новый порядок при Нерве; но это уже было на-закате его литературной деятельности и жизненного поприща.

[Конец Главы Шестой]

¹ В этом отношении интересна 101 эпиграмма I кн., обращённая к умершему рабу поэта Димитрию: «Цветущий Димитрий погиб в ранней юности, когда-то надёжная рука помощи в моих трудах, приносившая пользу господину и знакомая кесарям. Четвёртая жатва присоединилась к трём пятилетиям (и он скончался). Но мы всё-таки приняли меры, чтобы он не как раб спустился в преисподнюю: в то время, как его терзала гибельная зараза, я отказался от всех прав господина. В силу моего дара, он заслуживал выздоровления. Умирая, он знал о своей свободе и назвал меня патроном, собираясь свободным отправиться к стигийским теням».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ЮНОШЕСКИЕ ОПЫТЫ МАРЦИАЛА. КНИГОПРОДАВЦЫ, РАСПРОСТРАНЯВШИЕ ЕГО ЭПИГРАММЫ.

В заключение нашего очерка мы коснёмся вопроса о юношеских литературных опытах Марциала, вопроса, который до-сих-пор остаётся нерешённым между исследователями нашего поэта. Писал ли, в самом деле, что-нибудь Марциал, будучи юношей и, во-вторых, если писал, то вошли ли эти юношеские опыты в существующий сборник эпиграмм. Первое – несомненно и подтверждается словами самого поэта, который в 113 эп. первой книги говорит следующее:¹ «Все те пустяки, которые я писал будучи юношей, я уже сам теперь не помню; но если ты, читатель, пожелаешь дурно распорядиться своими досужими часами и не будешь знать, куда девать их, то обратись к квинту Поллию Валериану, благодаря которому не суждено погибнуть моим пустякам». Таким

¹ Quaecumque lusi iuvenis et puer quondam
Apinasque nostras, quas nec ipse iam novi,
Male collocare si bonas voles horas
Et invidebis otio tuo, lector,
A Valeriano Pollio petes Quinto,
Per quem perire non licet meis nugis.

[с.117] образом факт существования этих эпиграмм очевиден, и вся трудность заключается в удовлетворительном решении второго вопроса. Лессинг обсудил этот вопрос самым обстоятельным образом и его доводы достаточно убедительны, чтобы согласиться с ним в том, что многие из эпиграмм сборника – именно те юношеские опыты, о которых упоминает поэт в приведенной эпиграмме. Лессинг отодвигает на второй план вопрос, что именно осталось от Марциала и в каком объёме? Хотя многие эпиграммы, приписываемые Марциалу, не принадлежат его перу, однако между ними есть и такие, которые несомненно написаны им самим; второе особенно применимо к его юношеским стихотворениям, в существовании которых совершенно неосновательно сомневались некоторые исследователи, как, напр. Nik. Antonio. Квинт Поллион Валериан, о котором говорит Марциал, что он воспрепятствует окончательной гибели этих заброшенных пустяков, был лицом, переписавшим их для продажи, другими словами – их издатель. Удостоверившись в факте их существования, естественно предположить, что эти юношеские опыты не погибли безвозвратно, но что некоторые из них сохранились и что только следует их распознать из огромной массы эпиграмм или искать в каком-нибудь другом манускрипте; второе тем более вероятнее, что один старинный схолиаст Ювенала приводит цитату из Марциала, которой не оказывается в сборнике эпиграмм, из чего *Скривер* счёл себя в-праве заключить, что сборник неполный и что к юношеским опытам Марциала именно принадлежат те стихотворения, которые не вошли в сборник.

Большинство юношеских произведений Марциала, по мнению Лессинга, приходится на те 8 эпиграмм, которыми *Юний* обогатил

[с.118] своё издание Марциала. Он нашёл их в рукописи, хранящейся в бодлеянской библиотеке, и несомненно, что в этой рукописи они помещены в том-же порядке, в каком они расположены в его издании, именно: IV, 78, VII, 99, 100, 101, XII, 79, 101, 102, 103. Только очень немногие из позднейших издателей приняли эту вставку, самым же беспощадным образом подверг их изгнанию *Скривер* и отвёл им местечко в конце своего издания: «ne aliquis ex fungino genere ea desideret». Брань его по этому поводу очень характерна: «Tam fatua, tam stulta in elegantissimo opera, seu pannum in purpura quis ferat? Irato prorsus Deo Musisque aversis nata. Procul dubio ab insulsis monachis et scribes deliramenta haec profecta sunt». По поводу этой брани Лессинг иронически придаёт необыкновенно тонкое чутьё Скриверу: «Прав он, говорит немецкий критик, что скудные вещи, которым он не хочет придать имени Марциала, весьма мало остроумны, что они не написаны хорошим языком, чего мы в-праве были бы ожидать от Марциала, но всё-таки из этого не следует, что Марциал их не писал». И в самом деле, разве писатель в период своей юности не мог писать таких произведений, которые не имеют ничего общего с произведениями зрелого возраста. Разумеется, юношеские опыты Марциала не отличаются ни изящным языком, ни остроумием, но и самому поэту нечего было их стыдиться и он откровенно сам об этом говорит, как мы выше видели. Затем, Лессинг предполагает, что легко могло случиться, что какой-нибудь любитель этих эпиграмм внёс их в свой экземпляр, так-как они ему наиболее понравились; и ничего нет невероятного, что одна рукопись могла иметь добавления, которых не находим в прочих. Верно во всяком случае то, что свидетельство

[с.119] рукописи всегда более внушает доверия в таких случаях, нежели голый приговор критика. Впрочем, подобное предположение принадлежит не одному Лессингу¹: до и после Скривера не было недостатка в учёных, которые гораздо более снисходительно судили об этих добавлениях Юния. Так, Рамирес-де-Прадо (Ramires de Prado) находит ниже приводимую эпиграмму *elegans et poeta dignum*: «*in Varum*».

Ad coenam nuper Varus cum forte rogavit
Ornatus dives, parvula coena fuit
Auro non dapibus oneratur mensa
Apponunt oculis prima, pauca – gulae
Tunc ego, non oculos, sed ventrem poscere veni:
Aut appone dapes Vare, vel aufer opes!

или например следующее:

Milo domi non est; peregre Milone profecto
Arva vacant: uxor non minus inde parit
Cur sit ager sterilis, cur uxor lectitet, edam,
Quo fodiatur ager non habet, uxor habet.

Что-же тут неправдоподобного, что эти стихи вышли из-под пера молодого римлянина, ещё не окрепшего в искусстве писать стихи? Лессинг не выделяет даже самой худшей из 16 «*in Ponticum*» на том основании, что этот детский опыт начинающего эпиграмматиста, вероятно, относится к тому периоду, когда самый плохой стихотворец писал сравнительно лучшим языком.

Скривер, не признавая дополнения эпиграмм Юния, вставил ещё несколько, которые он списал из старинных пергаментов; но Лессинг совершенно основательно не признаёт этих

¹ А. Бартъ, *Advers. lib. XXIII, cap. 6.*

[с.120] последних за юношеские опыты Марциала и предостерегает новых издателей Марциала, чтобы они этого не теряли из виду, указывая на ошибку тех из них, которые как и те автентичные добавления Юния, так и эти сомнительные *Скривера* без различия называют «Martiali afficta».

Затем Лессинг берёт на себя смелость увеличить число этих пьес ещё одною, заимствованною им из одной старинной рукописи, заключающей в себе большое количество эпиграмм, ещё не появлявшихся в печати различных латинских поэтов. Он имеет в виду известный манускрипт, хранившийся в его время в Париже, в королевской библиотеке, который Салмасий получил от Лакурнея. Копию с этого манускрипта Лессинг нашёл в вольфенбюттельской библиотеке и отыскал в ней юношескую эпиграмму Марциала, которая до Лессинга нигде не была напечатана:

Nec volo me summis fortuna nec adplicet imis,
Sed medium vitae temperet illa gradum,
Invidia excelsos, inopes injuria vexat
Quam felix vivit quisquis utroque caret.

И это, по мнению Лессинга, есть ни более, ни менее как юношеский опыт, который выражает остроумную сентенцию, неоднократно высказанную Марциалом в эпиграммах более зрелого периода.

Выше было замечено, что книгопродавец, у которого можно было достать юношеские произведения Марциала, назывался Q. P. Valerianus. Но отчего же нельзя было их найти у книгопродавца *Атректа*, также издававшего эпиграммы Марциала? Если к этому прибавить, что третий книгопродавец по-имени *Трифон*, издатель сочинений Квинтилиана, имел в своём распоряжении *Xenia* и *Arophoreta*, то можно из всего этого

[с.121] вывести заключение, что тот или другой книгопродавец занимался изданием только известной категории эпиграмм Марциала. Относительно всех трёх можно с достоверностью сказать, что это были люди с научным образованием. Лессинг делает предположение, что книгопродавцы эти, в случае книга имела хороший сбыт, условливались относительно форматов самых списков, так-что один брал на себя заготовление больших списков для библиотек, другой заготовление достаточного числа экземпляров списков небольшого формата. Подтверждение этому Лессинг видит в одной эпиграмме, которую, как он полагает, не объяснил удовлетворительно ни один комментатор. Поэт не имеет в-виду в этой эпиграмме указать, где преимущественно можно купить его стихотворения, но где можно достать особый формат его списков, именно такой, который удобно брать с собой в дорогу в роде карманного издания; это несомненно явствует из первых двух строк: «Nos eme, quos arctat brevibus membrane libellis, где brevibus противоплагается magnis – под чем именно следует понимать более объёмистое издание произведений Марциала, которое было навёрнуто на большую палку, между-тем-как первое обозначает ручное издание, состоявшее или из разрезанных листков или сложенных на-манер писальных досок. Книгопродавцы эти извлекали известный барыш от продажи стихотворений Марциала, так-как он был (см.выше) один из наиболее читаемых поэтов своего времени. Они продавали довольно дорого эти экземпляры и, по мнению Лессинга, это дало право самому поэту отпустить шпильку на-счёт одного из книгопродавцев, Трифона:

«Omnis in hoc gracili xeniorum turba libello
Constabit nummis quattuor emta tibi

[с.122]

Quattuor est nimium, poterit constare duobus
Et faciet lucrum bibliopola Triphon».

Вопрос о том, извлекал ли сам Марциал выгоду от продажи своих эпиграмм, был уже нами обсуждаем в первой главе (см. стр. 25); прибавим к этому, что нам довольно смутно представляются авторские права у римлян, так-что вообще трудно определить даже приблизительно, какие выгоды получали от продажи своих сочинений самые популярные писатели.

Кроме упомянутых книгопродавцев есть ещё одно лицо, торое некоторые ошибочно смешивают с книгопродавцами, распространявшими эпиграммы Марциала, это именно – *Помпей Аукт*, о котором говорится в 50 эпиграмме VII книги. Очевидно, что этот *Auctus* был учёный юрист, совершенно чуждый книготорговли. Он распространял эпиграммы Марциала совсем иным путём, нежели книгопродавцы, и даже способствовал тому, что экземпляры эпиграмм расходились в меньшем количестве, так-как самые удачные из них он знал на память и при всяком удобном случае декламировал их:

«Sic tenet absentes nostros cantatque libellos
Ut pereat chartis littera nulla meis».

Скривер же, к всеобщему недоумению, заключил, что и *Аукт* был из числа книгопродавцев, сбывавших эпиграммы Марциала.

[Конец Главы Седьмой]

ПРИБАВЛЕНИЯ.

I.

Хронологический порядок издания эпиграмм.

В изданиях эпиграмм Марциала самым эпиграммам предшествует книга из 33 пиес, которая по своему содержанию называется «*Liber spectaculorum*», в списках же просто названа «*Epigrammaton liber*». Из 14 книг эпиграмм последние две имеют особое название: тринадцатая – «*Xenia*» и четырнадцатая – «*Arphogeta*»; обе они состоят из надписей в форме двустий и обе предназначены для сатурналий в качестве подарков к празднику и заключают в себе эпиграммы в тесном смысле (надписи), между-тем-как прочие заключают в себе эпиграммы в более обширном смысле стихотворений на известные случаи, каламбуры, остроты и пиески, посвящённые известным лицам; отдельные книги снабжены предисловиями частью в прозе (кн. I, II, VIII, XII), как у *Стация*. Всякая книга заключает в себе приблизительно 100 эпиграмм. В основании распорядка книг лежит хронологическая последовательность. За исключением XIII и XIV книг, поэт, обыкновенно, отдельные и при случае издаваемые эпиграммы при достаточном накоплении их собирал и издавал в одной книге. В 70 эпиграмме X книги он говорит:

[с.124] «Учёный Потит, ты упрекаешь меня в лени за то, что в течении целого года я с трудом выпускаю одну книгу эпиграмм. Гораздо справедливее было бы удивляться, что выходит одна, так-как у меня за-частую пропадают целые дни. Я не вижу ночью порой друзей с обычным приветствием; сам многих поздравляю, а меня, Потит, никто. Теперь моя печать прикладывается при Диане (лунном свете)» и т.д. За-тем в 84 эпигр. IX кн. в обращении к некоему Норбану говорит: «Норбан, когда твоя святая верность была на-страже за властительного государя против злодейских неистовств, в это самое время я, беспечный, забавлялся в пиерийской тени, я, известный почитатель твоей дружбы. О мне тебе вещал ретиец в пределах Винделиции, и Арктос (северное созвездие) не было чуждо нашего имени..... Теперь тебе автор подарит целиком всё произведение, то, что прежде два раза в трёхлетие».

Приведенные эпиграммы отчасти знакомят нас с процессом выпуска эпиграмм в свет.

Только три последние книги эпиграмм (X, XI, XII) изданы после смерти Домициана: первая могла заключать в себе отдельные более ранние рассказы из времён Веспасиана и Тита, которым, как и он сам сознаётся, писал эпиграммы, именуя их общим обозначением – *Caesares*¹.

Книга «*Spectaculorum*» относится по изданию к первой половине царствования Домициана, как первая и вторая книги (от 82 – 87 года). Книга III, неизвестная по времени издания и помеченная из *Forum Corneli*, сочинена после II и ранее IV (вероятно в 87 г.), четвёртая книга – к 88 или 89 году, пятая – к 90 году, шестая – в конце 90 года и к первой

¹ 101 эп. I книги.

[с.125] половине 91; седьмая и восьмая к 92 и к 93 году, девятая и десятая (первая обработка) и одиннадцатая относятся к промежутку времени между 94 и 96 г. Книги XIII и XIV вышли в промежуток времени между 88 и 93. Книга одиннадцатая, большею своею частью, составлена при Домициане, издана же в свет при Нерве, в декабре 96 года. Последняя представляет собой исправленное извлечение из X и XI книг, преподнесенное государю в половине 97 года. За-тем вторичное исправление и обработка X книги относятся к периоду времени, непосредственно предшествующему возвращению в Бильбилис, наконец к периоду пребывания в Испании после «*contumacissima trienni desidia*» относится двенадцатая книга².

[конец Прибавления I]

II.

Опыты толкования некоторых эпиграмм.

Мы уже упоминали выше, что одна из непреодолимых трудностей, представляющихся всякому, кто желает изучать Марциала, это – отсутствие хорошего комментария и вследствие этого неустановившееся понимание многих из его эпиграмм. Мы ещё в введении имели случай говорить, что в нашу задачу не входило филологическое исследование эпиграмм Марциала по языку и размеру, и мы вовсе не берёмся разъяснить многочисленных тёмных мест, попадающихся в его эпиграммах, но ограничимся некоторыми указаниями на этот вопрос, имеющими в основании соображения, высказанные Лессингом. Эти указания, как нам кажется, достаточно разъясняют, на-сколько

² Вопрос этот разработан Фридендером в монографии: *De temporibus librorum Martialis Domitiano imperante editorum*. Königsberg 1862.

[с.126] иногда неудачный комментарий затемняет и извращает то, что хотел сказать поэт. Чаще всего это бывает в тех случаях, когда идёт речь о произведениях искусства или о каком-нибудь обычае того времени, что, при известной доле проницательности, может быть истолковано на основании самого автора, не прибегая к учёным конъектурам и обращениям к другим писателям. Два примера достаточно выяснят это. К числу таких эпиграмм (которых можно насчитать не мало) принадлежит 11 эпиграмма первой книги, одна из наиболее тёмных, по мнению Геральдуса:

Cum data sint equiti bis quina numismata, quare
Bis deciens solus, Sextiliane, bibis?
Jam defecisset portantes calda ministros,
Si non potares, Sextiliane, merum.

Старинные комментаторы, как Domitius и Perotus, полагают, что здесь идёт речь о «lege sumptuaria», которые предписывал всякому римлянину, сообразно с его положением, сколько он должен тратить на пиры. Несостоятельность этого толкования доказана вполне, так-как то обстоятельство, что Секстилиан не позволял себе никаких излишеств дома, но за-то предавался им в театре, явствует из второй эпиграммы, которою кольнул его поэт:

Sextiliane bibis, quantum subsellia quinque,
Solus: aqua toties ebrius esse potes,
Nec concessorum vicina numismata tantum
Aera, sed a cuneis ulteriora petis.

Subsellia, cunei, очевидно, обозначают театр. Таким образом театр был тем местом, где Секстилиан пять раз влил в себя вино, как будто оно было предназначено для него одного или кого-нибудь из приближённых. Как-же

[с.127] это? По этому поводу комментаторы говорят, что государи и в театрах распределяли спортулы между народом. Эти спортулы заключались или в прохладительных напитках или в небольшой сумме денег, за которую каждый мог купить, что ему угодно, у театральных разносчиков прохладительных напитков и лакомств. Об этих-то спортулах, по их мнению, и идёт здесь речь, подтверждение чего они видят в том, что сумма отчётливо обозначена: quinque numismata – сумма, причитающаяся на всадника. Разногласие у них возникает относительно другого пункта, что именно составляет эти «quinque numismata» по другому счёту монет? Бедный Рамирес-де-Падро, который, согласно с Турнебом, приравнял их к 100 квадрантам, был совершенно уничтожен Скривером, который, за эту «manifestam absurditatem et defoedam hallucinationem», толкует ему текст и наглядно доказывает, что здесь numisma принимается за сестерций и выходит в итоге не 100, а 116 квадрантов. Не стоит, конечно, труда вдаваться в изыскание этого вопроса, а скорее следует обратить внимание на то, на каком основании Секстилиан мог требовать эти деньги от других, если, действительно, это были деньги. Да и какой бы нашёлся на-столько простодушный человек, чтобы немедленно давать деньги пьянице, из которых сам-же здесь мог сделать гораздо лучшее употребление¹. Лессинг очень просто развязал узел, приняв «quinque numismata» за пять марок, которые всадники получали при входе, или же получили заранее. По мнению немецкого критика, это были tesserae и известно, что tesserae были frumentariae, oleariae, coenariae, nummariae, то почему не могли выдаваться tesserae vinariae.

¹ Nec non concessorum vicina numismata tantum,
Sed a cuneis veteriora petis...

[с.128] И так, очень правдоподобно, что *quinque numismata* были *quinque tesserae vinariae*, и это довольно верный ключ к обеим эпиграммам. Такие *tesserae* вне своего назначения ничего не стоили, и кто не сделал из них надлежащего применения, -- не мог извлечь из них никакой иной пользы. Это одно уже делает понятным, почему в театре могли быть столь щедрыми на них: отчего, в самом деле, не предоставить другому пользоваться тем, чем самому нельзя наслаждаться. Секстилиан мог бы и стыдиться своей неводержности, но марки он всё-таки мог принимать без стыда и тем более не стыдился требовать их от своих хороших знакомых. Для придания большей правдоподобности этому толкованию, Лессинг выставляет на вид, что «*numisma*» просто употреблялась для обозначения штемпеля и печати на золоте и что Марциал допустил эту замену ради размера. Это толкование Лессинга, при всём остроумии, всё-таки не более как догадка, имеющая несомненное преимущество перед другими, так-как значительно упрощает смысл эпиграммы.

В других случаях комментаторы извращали мысль поэта, как полагает Лессинг, просто вследствие отсутствия тонкого соображения. Кто, в самом деле, мог бы подумать, что следующая маленькая эпиграмма, которая, по видимому, сама – лёгкость и ясность, объяснена и понимается не достаточно вразумительно:

Qui ducis vultus et non legis ista libenter
Omnibus invidias, livide, nemo – tibi.

Что-же тут и объяснять? Марциал высказывает ту мысль, что тот, который это неохотно читает и придаёт себе недовольный вид, может всему завидовать, но только никому не внушать подобного чувства? Но к чему отнести *ista*. Что это

[с.129] за желание высказывает поэт, чтобы что-то такое было охотно прочтено? Большинство комментаторов полагало, что он имел в виду самого себя, другие же утверждают, что под *ista* Марциал понимает свои собственные эпиграммы; но в таком случае где же здесь смысл и каков должен быть поэт, настаивающий на том, чтобы его произведения читали не иначе как с удовольствием, и которого может привести в негодование одна недовольная гримаса? И притом как он должен быть зол и бесчеловечен, если он всем, которые не возмущаются его стихотворениями, делает самые ужасные пожелания. Очевидно, что Марциал был чужд этой злости и ларчик открывается очень просто: *ista* прямо указывает на содержание предшествующей эпиграммы, в которой выражает редкую похвалу Дециану, одному из лучших друзей, так-что он должен был гарантировать от зависти не свои стихи, а эту похвалу:

Si quis erit rarus inter numerandus amicos
Dispeream si non hic Decianus erit.

Очевидно, разбираемая эпиграмма находится с этою в непосредственной связи, которая была упущена из виду всеми комментаторами до Лессинга.

Наконец, вот ещё одно невразумительное толкование одной маленькой эпиграммы, которой очень часто подражали новейшие поэты:

«Nuper erat medicus, nunc est vespillo Diaulus
Quod vespillo facit, fecerat et medicus».

Если даже нет приблизительного сходства между веспиллоном и искусным врачом, достаточно нам того, что и тот и другой отправляют людей в преисподнюю, хотя один со всем

[с.130] в ином смысле, нежели другой; но что скажут, если можно доказать, что *vespillones* не были простые гробокопатели, а что они занимались ещё другим ремеслом, которое ставит их в более тесную связь с убийственным врагом рода человеческого; одним словом, известно, что они были помощниками палача, которые вместе с ним должны были совершать казнь преступника: не делает ли это мысль поэта удобопонятнее и язвительнее? Нам это подтверждает одна ненапечатанная эпиграмма некоего латинского писателя, найденная Лессингом в *лакурнейском* манускрипте, которую он и приводит по списку Гудиуса. Эпиграмма написана на одного несчастного, который подвергся перелому и так вопит:

«Moles tanta tibi pendet sub ventre, Siringi
Ut te non dubitem dicere bicipitem,
Nam si te addictum mittat sententia campo
Vespillo ignorat, quod secet ense caput».

Указание вполне ясное и отчётливое, и то, что мы отсюда узнаём, имеет свою пользу, потому что мы вместе узнаём и причину, почему в римском праве «*vespillones*» считались за презренных, поношение, которого они, как простые гробокопатели, не заслуживали.

[конец прибавления III]

[с.131] III.

Мнение французского критика Ла-Гарпа о Марциале.

«Марциал у римлян усовершенствовал эпиграмму и поставил выше, чем у греков. Он всегда старается придать ей язвительность, но не всегда это ему удаётся. Величайший его недостаток состоит в том, что он написал их слишком много. Его сборник состоит из 12 книг, что составляет около 1200 эпиграмм: это – много¹. Можно было бы без сожаления уничтожить три-четверти. Он сам себя нередко обвиняет в такой плодовитости; но это признание несколько не уменьшает важности, которую он придал этим безделушкам. Дошли они до нас в наилучшем порядке, так как он их распределил и даже с посвящениями в начале каждой книги. Это, без сомнения, очень утешительно, но не настолько, чтобы вознаградить нас в потере стольких произведений Тита Ливия, Тацита и Саллюстия, которых время не пощадило в такой степени как Марциала. Первая книга целиком посвящена восхвалению Домициана. Все эти похвалы вертятся около одного предмета: речь только идёт о зрелищах, которые Домициан давал народу, а Марциал повторяет

¹ Ла-Гарп заблуждается: эпиграмм – 14 книг и общее их число не менее 1500.

[с.132] на сто ладов, что они гораздо великолепнее, чем те, которые давались прежде. Это даёт право заключать, какую важность римляне приписывали этим забавам и в то же время как легко было польстить самолюбию Домициана».

Ла-Гарп сравнивает Марциала по цинизму с Руссо, отдавая, впрочем, второму предпочтение пред первым..... На сколько Ла-Гарп имел смутные и неверные представления о Марциале, можно заключить из того, что он приписывает одним писателям то, о чём говорят совсем другие, например по поводу репутации, которою пользовался поэт Стаций, современник Марциала, он говорит следующее: «Марциал нам сообщает, что весь Рим приходил в движение, чтобы пойти его послушать, когда он должен был декламировать стихи согласно обычаям тех времён, и чтение Фиваиды было праздником». Между-тем, об этом сообщает вовсе не Марциал, а Ювенал¹, и факт полнейшего молчания Марциала о Стации занимал и ставил в-тупик всех исследователей.

[конец Прибавления III]

¹ Вот эти стихи Ювенала из VII сат. ст. 82.
Curritur ad vocem jucundam et Carmen amicae
Thebaidos laetam fecit cum Staius urbem.

***** Проект «За Марциалом без билета»

[с.133] IV,

Отношения Марциала к светилам риторики.

Светила риторики Квинтилиан и Регул, в-особенности последний, были в близких отношениях с Марциалом. Первому наш поэт посвятил 90 эп. II книги²: «Квинтилиан, лучший руководитель неустановившейся молодёжи, Квинтилиан гордость всех римских граждан, не смотри строго на то, что я, бедняк, спешу жить и хочу пользоваться временем (nec inutilis annis) (никто достаточно не спешит жить). Пусть это откладывает тот, который желает овладеть отцовским имуществом и загромождает комнаты статуями непомерной величины. Для меня же имеет прелесть дом с закопчённым потолком (в атриум) (буквально: не отвергающий копоти), живой источник и невозделанная трава. Пусть мой раб будет сыт, жена не слишком учёная, ночь ниспосылает хороший сон, а день обойдётся без тяжбы». Из ораторов, современных Квинтилиану, наибольшею, хотя и не вполне заслуженно известностью пользовался

² Quintiliane, vagae moderator summe iuventae
Gloria Romanae, Quintiliane, togae,
Vivere quod propero pauper nec inutilis annis,
Da veniam: properat vivere nemo satis.
Differat hoc patrios optat qui vincere census
Atriaque immodicis artat imaginibus и т.д.

[с.134] оратор *Aquilius Regulus*, любимец нескольких государей. Во многих эпитаграммах Марциала упоминается этот Регул. В одной из них поэт, обращаясь к некоему Галлу, говорит о невозможности защитить его: «Хотя был бы вызван из преисподней великий Туллий, хотя тебя защищал бы сам Регул, все-таки ты не можешь быть оправдан». В 38 эпитаграмме VI книги Марциал расточает пред означенным Регулом слишком раболепную лесть¹: «Ты видишь, говорит он, как младенец Регул (сын оратора), которому ещё не исполнилось трёх лет, сам лепечет похвалы; послушав отца и завидевши его, покидает лоно матери, сознавая, что похвалы, расточаемые его отцу, принадлежат и ему самому. Народ и дом Юлиев нравятся ребёнку. Совершенно так жеребёнок (разгорячённый) радуется при виде большой пыли, или телёнок с мягким лбом жаждет драки. Молю вас, боги, исполните желание отца и матери, чтобы Регулу удалось слышать сына, а матери – их обоих»².

[конец Прибавления IV]

[конец всего текста диссертации Н.Андреевского
«Валерий Марциал, Харьков, 1880»]

¹ *Auspicias, ut parvus, nec adhuc trieteride plena
Regulus auditum laudet et opse patrem?
Maternosque sinus viso genitore relinquat
Et patrias laudes sentiat esse suas?* и т.д.

² Об отношениях Марциала к известному эпическому поэту Силию Италику сказано выше, см. стр. 80.

Краткая биография

Николай Андреевский,

приват-доцент Харьковского университета

Портрет Н. А. Андреевского – вкладка № 7

Источник:

Историко-Филологический факультет Харьковского Университета за первые 100 лет его существования 1805-1905

I История

II Биографический словарь профессоров

Под редакцией М. Г. Холанского и Д. И. Багаля

Издание университета. Харьков 1908

Андреевский Николай Аркадьевич родился 14 октября 1852 года в г. Екатеринославе. Отец его, Аркадий Степанович, был председателем Екатеринославской казенной палаты. Мать его, урожденная Герсеванова, находилась в родстве с выдающимися дворянскими фамилиями местного края. Из братьев Андреевского один (Михаил Аркадьевич) был профессором математики в Варшавском университете, другой (Сергей Аркадьевич) – известный присяжный поверенный С.-Петербургского суда, оратор, поэт и литературный критик, третий (Павел Аркадьевич) покойный ныне присяжный поверенный Киевского окружного суда, автор нескольких драм и фарсов и редактор газеты «Заря» (1880-1886 гг.).

[с.207] Получив блестящее домашнее образование с практическим усвоением иностранных языков (особенно французского, а в значительной степени немецкого и английского), Андреевский поступил в Харьковскую 3-ью гимназию, в которой окончил курс с золотой медалью в 1868 году, но по молодости он мог быть принятым в университет только через год. С 1869 по 1873 год он состоял студентом историко-филологического факультета Харьковского университета, избрав своей специальностью предметы классической филологии. Во время прохождения университетского курса удостоен был серебряной медали.

По окончании курса в университете со степенью кандидата, Андреевский пробыл несколько месяцев в должности воспитателя при пансионе Харьковской 2 гимназии. С 1873 года по день смерти состоял преподавателем древних языков в Харьковской 3 гимназии, читая одновременно и историю в женской гимназии Д. Д. Оболенской (тогда называвшейся пансионом Пономаревой). Некоторое время (года два) он преподавал латинский язык, в качестве необязательного предмета, ученицам Харьковской Мариинской гимназии.

Выдержав в 1878 году испытание на степень магистра римской словесности и защитив диссертацию *pro venia legendi* на тему о третьей сатире Ювенала, Андреевский принят был в число приват-доцентов Харьковского университета. Предметом его преподавания служило объяснение римских классиков: Ювенала, Цицерона (*De oratore*), Горация (*Ars poetica*).

В 1880 году вышла из печати его магистерская диссертация под заглавием: «Валерий Марциал, культурно-биографический очерк из эпохи Домициана». Первый экземпляр своего труда он получил накануне своей смерти, так что успел разрезать и просмотреть лишь несколько первых листов. Умер он 27 сентября 1880 года, одновременно с другим выдающимся приват-доцентом историко-

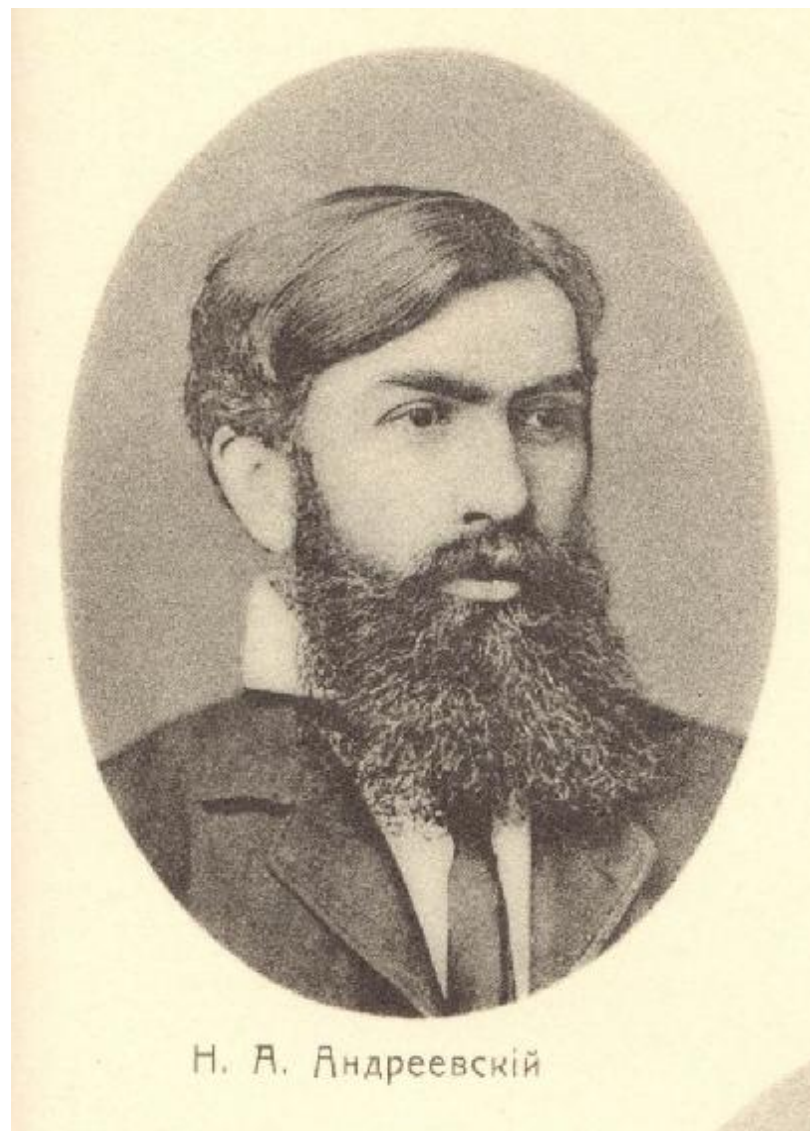
филологического факультета А. В. Поповым, также уже напечатавшим диссертацию и также не дожившим до её защиты: обоим унесла в могилу чахотка. Похоронен на Харьковском городском кладбище.

Высокого роста, привлекательной наружности, приятный и остроумный собеседник, Андреевский пользовался большим успехом в обществе и любовью своих учеников и товарищей по службе. В качестве преподавателя 3-ей гимназии, он прочитал публичную лекцию на тему: «Сенека, учитель Нерона» в пользу бедных учеников.

Оставшиеся после Андреевского книги научного содержания пожертвованы были его матерью, Верою Николаевною, в фундаментальную библиотеку Харьковской 3 гимназии, в которой из этих книг составлен [с.208] особый отдел. После смерти своего сына мать Андреевского удалась из света в один из женских монастырей.

Составлено по сведениям, сообщенным б. Преподавателем 3 гимназии Д. В. Гутниковым

И. В. Нетушил

Николай Андреевский. «Валерий Марциал» Харьков, 1880 * PDF-файл 30июня 2010 * Весь текст диссертации + биография

Андреевский, Николай Аркадьевич (1852 – 1880). «Валерий Марциал. Культурно-биографический очерк из эпохи Домициана». Магистерская диссертация. - Харьков, 1880. – 134 с. Текст, максимально приближенный к оригиналу. Электронное издание в одном PDF-файле, с приложением краткой биографии Н.А.Андреевского и его портретом. Харьков, 2010

Для научных целей диссертация Н.Андреевского также опубликована в виде «факсимиле оригинала плюс текст» на веб-странице

<http://www.zamartialom.narod.ru/andreevsky/content.html>

Титул, Оглавление, Введение и Глава I – (4.9 МБ)

http://www.zamartialom.narod.ru/andreevsky/ch0_ch1.pdf

Главы II и III – (5.0 МБ)

http://www.zamartialom.narod.ru/andreevsky/ch2_ch3.pdf

Главы с IV по VI – (4.8 МБ)

http://www.zamartialom.narod.ru/andreevsky/ch4_ch6.pdf

Глава VII и приложения, биография и портрет Н.Андреевского – (2.9 МБ)

http://www.zamartialom.narod.ru/andreevsky/ch7_app.pdf

@ – Александр Борисович Акимов, 2010 (электронная публикация) zamartialom@mail.ru тел./SMS +38 050 730 40 47

Свободное копирование и распространение материала нашей электронной публикации – для некоммерческого использования – приветствуется (А.Б.А). Публикатор будет признателен за помощь в выявлении опечаток.